

ВЫПУСК
6

ПиФ

приключения фантастика

БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- ИЗ АРХИВА КРИМИНАЛИСТА
- ПЛАНЕТА С ДВОЙНЫМ ДНОМ
- МЕСТЬ ПО-МАРСИАНСКИ
- ЦЕНА ОШИБКИ

Алексей Конст. Толстой

СЕМЬЯ ВУРДААКА

ОДНО веселое общество, к которому принадлежал и я, собиралось два раза в неделю у вдовствующей княгини Шварценберг в нескольких милях от города за местечком Гитцинг. Истинная светскость хозяйки дома, еще более выигрывавшая от ее милой приветливости и тонкого остроумия, делала чрезвычайно приятным пребывание у нее в гостях.

Утро у нас бывало занято прогулкой, обедали мы все вместе либо в замке, либо где-нибудь в окрестностях, а вечером, усевшись у пылающего камина, беседовали и рассказывали всякие истории.

Однажды вечером, когда каждый из нас успел что-то рассказать и мы находились в том несколько возбужденном состоянии, которое обычно еще усиливают сумерки и тишина, маркиз д'Юрфе, человек преклонных лет, пользовавшийся всеобщей любовью за свою чисто юношескую веселость и ту особую остроту, которую он придавал рассказам о былых своих любовных удачах, воспользовался минутой безмолвия и сказал:

– Ваши истории, господа, конечно, весьма необыкновенны, но я думаю, что им недостает одной существенной черты, а именно – подлинности, ибо насколько я уловил – никто из вас не видел своими глазами те удивительные вещи, о которых повествовал, и не может подтвердить их истинность.

Нам пришлось с этим согласиться, и маркиз, поглаживая свое жабо, продолжал:

– Что до меня, господа, то мне известно лишь одно подобное приключение, но оно так странно и в то же время так страшно и так достоверно, что одно бы могло повергнуть в ужас людей даже самого скептического склада ума. К моему несчастью, я был и свидетелем, и участником этого события, и хотя вообще не люблю о нем вспоминать, но сегодня готов был бы рассказать о случившемся со мной – если только вы не будете иметь ничего против.

Слушать захотели все. Правда, несколько человек с робостью во взгляде посмотрели на светящиеся квадраты,

которые луна уже чертила по паркету, но тут же наш кружок сомкнулся теснее, и все приумолкли, готовясь слушать историю маркиза. Господин д'Юрфе взял щепотку табака, медленно потянул ее и начал:

– Прежде всего, милостивые государыни, прошу у вас прощения, если в ходе моего рассказа мне придется говорить о моих сердечных увлечениях чаще, чем это подобает человеку в моих летах. Но ради полной ясности о них нельзя не упоминать. К тому же старости простительно забываться, и право же, это ваша, милостивые государыни, вина, если, глядя на таких красивых дам, я чуть ли сам уже не кажусь себе ...молодым человеком. Итак, начну прямо с того, что в тысяча семьсот пятьдесят девятом году я был без памяти влюблен в прекрасную герцогиню де Грамон. Эта страсть, представлявшаяся мне тогда и глубокой, и долговечной, не давала мне покоя ни днем, ни ночью, а герцогиня, как это часто нравится хорошеньким женщинам, еще усиливала это терзание своим кокетством. И вот, в минуту крайнего отчаяния я решил разлучиться с нею. Накануне отъезда я явился к герцогине. Она отнеслась ко мне менее насмешливо, чем обычно, и в ее голосе чувствовалось некоторое волнение, когда она мне сказала:

– Д'Юрфе, вы делаете очень неразумный шаг. Но я вас знаю, мне известно, что от принятого решения вы не откажетесь. Поэтому прошу вас только об одном – возьмите вот этот крестик как залог моей дружбы и носите его, пока не вернетесь. Это семейная реликвия, которой мы очень дорожим.

С учтивостью, неуместной, быть может, в подобную минуту, я поцеловал не реликвию, а ту очаровательную

руку, которая мне ее протягивала, и надел на шею вот этот крестик, с которым с тех пор не расставался.

Я СЛУЖИЛ тогда по дипломатической части, и судьбе было угодно занести меня в Сербию. Язык я уже знал к тому времени достаточно, чтобы быть в состоянии объясниться, и мне однажды случилось попасть проездом в некую деревню, название которой не представило бы для вас никакого интереса. Обитателей дома, в котором я остановился, я нашел в состоянии подавленности, удивившей меня тем более, что дело было в воскресенье, — день, когда сербы предаются обычно всякому веселью, забавляясь пляской, стрельбой из пищали, борьбой и т. п. Расположение духа моих будущих хозяев я приписал какой-нибудь недавно случившейся беде и уже думал удалиться, но тут ко мне подошел и взял за руку мужчина лет тридцати, высокого роста.

— Входи, — сказал он, — входи, чужеземец, и пусть не пугает тебя наша печаль; ты ее поймешь, когда узнаешь ее причины.

И он мне рассказал, что старик, отец его, по имени Горча, человек нрава беспокойного и неуступчивого, поднялся однажды с постели, снял со стены длинную турецкую пищаль и обратился к двум своим сыновьям, одного из которых звали Георгием, а другого — Петром:

— Дети, — молвил он им, — я иду в горы, хочу с другими смельчаками поохотиться на поганого пса Алибека (так звали разбойника-турка, разорывшего последнее время весь тот край). Ждите меня десять дней, а коли на десятый день не вернусь, закажите вы обедню за упокой моей ду-

ши – значит, убили меня. Но ежели, – прибавил тут старый Горча, приняв вид самый строгий, – ежели (да не допустит этого бог) я вернусь поздней, ради вашего спасения, не впускайте вы меня в дом. Ежели будет так, приказываю вам – забудьте, что я вам был отец, и вбейте мне осиновый кол в спину, что бы я ни говорил, что бы ни делал, – значит, я теперь проклятый вурдалак и пришел сосать вашу кровь.

Здесь надо будет вам сказать, милостивые государыни, что вурдалаки, как называются у славянских народов вампиры, не что иное в представлении местных жителей, как мертвецы, вышедшие из могил, чтобы сосать кровь живых людей. У них вообще те же повадки, что у всех прочих вампиров; но есть и особенность, делающая их еще более опасными. Вурдалаки, милостивые государыни, сосут предпочтительно кровь у самых близких своих родственников и лучших своих друзей, а те, когда умрут, тоже становятся вампирами, так что со слов очевидцев даже говорят, будто население целых деревень превращалось в вурдалаков. В любопытном труде о привидениях аббат Огюстен Кельме приводит тому ужасающие примеры. Императоры германские не раз назначали комиссии для расследования случаев вампиризма. Производились допросы, извлекались из могил трупы, налитые кровью, их сжигали на площадях, но сперва пронзали им сердце. Судебные чиновники, присутствовавшие при этих казнях, уверяют, что сами слышали, как выли трупы в тот миг, когда палач вбивал им в грудь острый осиновый кол. Они дали об этом показания по всей форме и скрепили их присягой и подписью.

После всего этого вам легко будет вообразить себе, какое действие слова старого Горчи произвели на его сыновей... Оба они упали к его ногам и умоляли, чтобы он позволил им отправиться вместо него, но тот, ничего не ответив, только повернулся к ним спиной и пошел прочь, повторяя припев старинной песни. День, в который я приехал сюда, был тот самый, когда кончался срок, назначенный Горчей, и мне было нетрудно понять волнение его детей.

То была дружная и хорошая семья. Георгий, старший сын, с чертами лица мужественными и резкими, был, по видимому, человек строгий и решительный. Был он женат и имел двух детей. У брата его Петра, красивого восемнадцатилетнего юноши, лицо носило выражение скорее мягкотелости, чем отваги, и его, судя по всему, особенно любила младшая сестра Зденка, в которой можно было признать тип славянской красоты. В ней, кроме этой красоты, во всех отношениях бесспорной, меня прежде всего поразило отдаленное сходство с герцогиней де Грамон. Главное – была у нее та особенная складочка над глазами, которую за всю мою жизнь я не встречал ни у кого, кроме как у этих двух женщин. Эта черточка могла и не понравиться с первого взгляда, но стоило увидеть ее несколько раз, как она с неодолимой силой привлекала вас к себе.

То ли потому, что был я тогда очень молод, то ли в самом деле неотразимое действие производило это сходство в сочетании с каким-то своеобразным и наивным складом ума Зденки, но стоило мне две минуты поговорить с нею – и я уже испытывал к ней симпатию настолько живую, что она неминуемо превратилась бы в чувство еще более

нежное, если бы мне подольше пришлось остаться в той деревне.

Мы все сидели во дворе за столом, на котором для нас были поставлены творог и молоко в кринках. Зденка пряла; ее невестка готовила ужин для детей, игравших тут же в песке; Петр с наигранной беззаботностью что-то насвистывал, занятый чисткой ятагана – длинного турецкого ножа; Георгий, облокотившись на стол, сжимал голову ладонями, был озабочен, глаз не сводил с дороги и все время молчал.

Я же, как и все остальные, поддавшись тоскливому настроению меланхолично глядел на вечерние облака, обрамляющие золотую полосу неба, и на очертания монастыря, поднимавшегося над сосновым лесом.

Вскоре я позабыл и о моих хозяевах, и о предмете их тревоги.

Георгий вдруг нарушил молчание:

– Скажи-ка, жена, в котором часу ушел старик?

– В восемь часов, – ответила жена, – я слышала, как в монастыре ударили в колокол.

– Хорошо, – проговорил Георгий, – сейчас половина восьмого, не позднее.

И он замолчал, опять устремив глаза на большую дорогу.

Я ЗАБЫЛ вам сказать, милостивые государыни, что когда сербы подозревают в ком-нибудь вампира, то избегают называть его по имени или упоминать о нем прямо, ибо думают, что так его можно вызвать из могилы. Вот почему Георгий, когда говорил

об отце, уже некоторое время называл его не иначе, как «старик».

Молчание продолжалось еще несколько минут. Вдруг один из мальчиков, дернув Зденку за передник, спросил:

– Тетя, а когда дедушка придет домой?

В ответ на столь неуместный вопрос Георгий дал ребенку пощечину.

Мальчик заплакал, а его младший брат, и удивленный, и испуганный, спросил:

– А почему нельзя говорить о дедушке?

Новая пощечина – и он тоже примолк. Оба мальчика заревели, а взрослые перекрестились.

Но вот часы в монастыре медленно пробили восемь. Едва отзвучал первый удар, как мы увидели человеческую фигуру, появившуюся из лесу и направившуюся в нашу сторону.

– Он! – воскликнули в один голос Зденка, Петр и их невестка. – Слава тебе господи!

– Господи, сохрани и помилуй нас! – торжественно проговорил Георгий. – Как знать, прошло ли уже или не прошло десять дней?

Все в ужасе посмотрели на него. Человек между тем все приближался к нам. Это был высокий старик с белыми усами, с лицом бледным и строгим; двигался он с трудом, опираясь на палку. По мере того, как он приближался, Георгий становился все мрачней. Подойдя к нам, старик остановился и обвел свою семью взглядом как будто не видящих глаз – до того они были у него тусклые и впалые.

– Что же это, – сказал он, – никто не встает, никто не встречает меня? Что вы все молчите? Иль не видите, что я ранен?

Тут я заметил, что у старика левый бок весь в крови.

– Да поддержи отца, – сказал я Георгию, – а ты, Зденка, напоила бы его чем-нибудь, ведь он, того гляди, упадет.

– Отец, – промолвил Георгий, подойдя к Горче, – покажи свою рану, я а этом знаю толк, перевяжу тебя...

Он только взялся за его одежду, но старик грубо оттолкнул его и обеими руками схватился за бок:

– Оставь, коли не умеешь, больно мне!

– Так ты в сердце ранен! – вскричал Георгий и весь побледнел. – Скорей, скорей раздевайся, так надо – слышишь!

Старик вдруг выпрямился во весь рост.

– Берегись, – сказал он глухо, – дотронешься до меня – прокляну!

Пето встал между отцом и Георгием.

– Оставь его, – сказал он, – ты же видишь, больно ему.

– Не перечь, – проговорила жена, – знаешь ведь, он этого никогда не терпел.

В эту минуту мы увидели стадо, возвращающееся с пастбища в облаке пыли. То ли пес, сопровождавший стадо, не узнал хозяина, то ли другая была причина, но едва только он завидел Горчу, как остановился, ощетинился и начал выть, словно бы ему что-то показалось.

– Что с этим псом? – спросил старик, сердчая все более. – Что все это значит? За десять дней, что меня не было, неужто я так переменялся, что и собственный пес меня не узнает?

– Слышишь? – сказал своей жене Георгий.

– А что?

– Сам говорит, что десять дней прошло!

– Да нет же, он ведь в срок воротился!

– Ладно, ладно, я уж знаю, что делать.

Пес не переставая выл.

– Застрелить его! – крикнул Горча. – Это – я приказываю – слышите!

Георгий не пошевелился, а Петр со слезами на глазах встал; взял отцовскую пищаль и выстрелил в пса – тот покатился в пыли.

– А был он мой любимец, – проговорил он совсем тихо. – С чего это отец велел его застрелить?

– Он того заслужил, – ответил Горча. – Ну, стало свежо, в дом пора!

Тем временем Зденка приготовила питье для старика, вскипятила воду с грушами, с медом и с изюмом, но он с отвращением его оттолкнул. Точно так же он отверг и блюдо с пловом, которое ему подал Георгий, и уселся около очага, бормоча сквозь зубы что-то невнятное.

Потрескивали сосновые дрова, и дрожащие отблески огня падали на его лицо, такое бледное, такое изможденное, что, если бы не это освещение, его вполне можно было принять за лицо покойника. Зденка к нему подседа и сказала:

– Ты, отец, ни есть не хочешь, ни спать не ложишься. Может, расскажешь, как ты охотился в горах.

Девушка знала, что эти слова затронут у старика самую чувствительную струну, так как он любил поговорить о боях и сражениях. И в самом деле, на его бескровных губах появилось что-то вроде улыбки, хотя глаза смотрели безучастно, и он ответил, глядя ее по чудесным белокурым волосам;

– Ладно, дочка, ладно, Зденка, я тебе расскажу, что со мной было в горах, только уж как-нибудь в другой раз, а то сегодня я устал. Одно скажу – нет в живых Алибека, и убил его я. А ежели кто сомневается, – прибавил старик, окидывая взглядом свою семью, – есть чем доказать!

И он развязал мешок, висевший у него за спиной, и вытащил окровавленную голову, с которой, впрочем, его собственное лицо могло поспорить мертвенно-бледным цветом кожи! Мы с ужасом отвернулись, а Горча отдал ее Петру и сказал;

– На, прицепи над нашей дверью, – пусть знает всякий, кто пройдет мимо дома, что Алибек убит и никто больше не разбойничает на дороге, кроме разве султанских янычар!

Пётр, подавляя отвращение, исполнил, что было приказано.

– Теперь понимаю, – сказал он, – бедный пес выл оттого, что почуял мертвечину!

– Да, почуял мертвечину, – мрачно повторил Георгий, который незадолго перед тем незаметно вышел, а теперь вернулся: в руке он держал какой-то предмет, который тут же поставил в угол, – как мне показалось, это был кол.

– Георгий, – вполголоса сказала ему жена, – да неужто ты...

– Брат, что ты затеял? – заговорила сестра.

– Не мешайте, – ответил Георгий, – я знаю, что мне делать, и что надо – то сделаю.

ТЕМ временем настала ночь, и семья ушла спать в ту часть дома, которую от моей комнаты отделила лишь тонкая стенка. Признаюсь, что все, чему я вечером был свидетель, сильно на меня подействовало. Свеча уже не горела, а в маленькое низенькое окошко возле самой моей постели всюду светила луна, так что на пол и на стены ложились белые пятна. Я долго ворочался, хотел заснуть, но не мог. Тут за перегородкой глухо слышались голоса.

– Ложись, жена, – сказал Георгий, – и ты, Петр, ложись, и ты, Зденка. Ни о чем не беспокойтесь, я посижу за вас.

– Да послушай, брат, – промолвила теперь нежным, тихим голосом Зденка, – по мне, так нечего и сидеть. Отец уже уснул, и смотри, как мирно и спокойно он спит.

– Ничего-то вы оба не понимаете, – возразил Георгий тоном, не допускающим противоречия. – Говорю вам – ложитесь, а я спать не буду.

Тут воцарилась полная тишина. Вскоре же я почувствовал, как отяжелели мои веки, и сон меня одолел.

Но вдруг дверь в комнату как будто медленно отворилась, и на пороге стал Горча. Я, впрочем, скорее догадался об этом, чем видел его, потому что там, откуда он вышел, было совершенно темно. Его погасшие глаза, – так мне чудилось, – старались проникнуть в мои мысли и следили за тем, как подымается и опускается моя грудь. Потом он сделал шаг, еще – другой, затем, с чрезвычайной осторожностью, неслышно ступая, стал подходить ко мне. Вот одним прыжком он очутился у моей кровати. Я испытывал невыразимое чувство гнета, но неодолимая сила сковыва-

ла меня. Старик приблизил ко мне свое мертвенно-бледное лицо и так наклонился надо мною, что я словно ощущал его трупное дыхание. Тогда я сделал сверхъестественное усилие и проснулся весь в поту. В комнате не было никого, но, бросив взгляд на окно, я ясно увидел старика Горчу, который снаружи прильнул лицом к стеклу и не сводил с меня своих страшных глаз. У меня хватило силы, чтобы не закричать, и самообладания, чтобы не подняться с постели, как если бы я ничего не видел. Старик, однако, приходил, по-видимому, лишь удостовериться, что я сплю, по крайней мере, он и не пытался войти ко мне и, внимательно на меня поглядев, отошел от окна, но я слышал, как он ходит в соседней комнате. Георгий за-снул и храпел так, что стены чуть не сотрясались.

В эту минуту кашлянул ребенок, и я различил голос Горчи, он спрашивал:

– Ты, малый, не спишь?

– Нет, дедушка, – отвечал мальчик, – мне бы с тобой поговорить.

– Я, милый, так и думал и принес тебе маленький ятаган – завтра дам.

– Ты, дедушка, лучше дай сейчас – ведь ты не спишь.

Мне словно послышался отрывистый глухой смех старика, а ребенок начал, кажется, вставать. В вампиров я не верил, но после кошмара, только что посетившего меня, нервы у меня были напряжены, и я, чтобы ни в чем не упрекать себя позднее, поднялся и ударил кулаком в стену. Этим ударом можно было бы, кажется, разбудить всех семерых спящих, но хозяева, очевидно, и не услышали моего стука. С твердой решимостью спасти ребенка я бро-

сился к двери, но она оказалась запертой снаружи, и замки не поддавались моим усилиям. Пока я еще пытался высадить дверь, я увидел в окно старика, проходившего с ребенком на руках.

– Вставайте, вставайте! – кричал я что было мочи и бил кулаком в перегородку. Тут только проснулся Георгий.

– Где старик? – спросил он.

– Скорей беги, – крикнул я ему, – он унес мальчика!

Георгий ударом ноги выломал дверь, которая, так же как моя, была заперта снаружи, и побежал к лесу. Мне наконец удалось разбудить Петра, невестку его и Зденку. Мы все вышли из дому и немного погодя увидели Георгия, который возвращался уже с сыном на руках. Он нашел его в обмороке на большой дороге, но ребенок скоро пришел в себя, и хуже ему как будто не стало. На распросы он отвечал, что дед ничего ему не сделал, что они вышли просто поговорить, но на воздухе у него закружилась голова, а как это было – он не помнит. Старик же исчез.

Остаток ночи, как нетрудно себе представить, мы провели уже без сна.

Утром мне сообщили, что по Дунаю, пересекавшему дорогу в четверти мили от деревни, начал идти лед, как это всегда бывает здесь на исходе осени и ранней весной. Переправа на несколько дней была закрыта, и мне нечего было думать об отъезде. Впрочем, если б я и мог ехать, меня удержало бы любопытство, к которому присоединилось и более могущественное чувство. Чем больше я видел Зденку, тем сильнее меня к ней влекло. Своеобразная пре-

лесть Зденки, это странное сходство с герцогиней де Грамон, от которой я бежал и которую вновь встретил здесь в таком живописном наряде, говорящую на чужом и гармоничном наречии, эта удивительная складочка на лбу, ради которой я тридцать раз готов был поставить жизнь на карту, все это, вместе с необычностью моего положения и таинственностью всего, что происходило вокруг, повлияло, должно быть, на зреющее в моей душе чувство.

Днем я услышал, как Зденка разговаривала со своим младшим братом:

– Что ты обо всем этом думаешь, – спрашивала она, – неужто и ты подозреваешь отца?

– Подозревать не решусь, – отвечал ей Петр, – да и к тому же мальчик говорит, что он ему плохого не сделал. А что нет его – так ты ведь знаешь, он всегда так уходил и отчета не давал.

– Да, знаю, – сказала Зденка, – а коли так, надо его спасти; ведь ты знаешь Георгия...

– Да, да, верно. Говорить с ним нечего, но мы спрячем кол, а другого он не найдет: в горах с нашей стороны ни одной осины нет!

ПРИШЛА ночь, а о старике Горче ничего не было слышно. Я, как и накануне, лежал на кровати, а луна всю освещала мою комнату. Уже когда сон начал туманить мне голову, я вдруг словно каким-то чутьем уловил, что старик приближается. Я открыл глаза и увидел его мертвенное лицо, прижавшееся к окну.

Ребенок в постели заворочался и застонал во сне. Несколько минут стояла тишина, потом я услышал стук в окно. Ребенок опять застонал и проснулся.

- Это ты, дедушка? – спросил он,
- Я, – ответил глухой голос, – принес тебе ятаганчик.
- Только мне уйти нельзя, отец запретил!
- Тебе и не надо уходить, открой окошко де поцелуй меня!

Ребенок встал, и было слышно, как открывается окно. Тогда, призвав на помощь все мои силы, я вскочил с постели и начал стучать в стену. Мгновенье спустя Георгий уже был на ногах. Он выругался, жена его громко вскрикнула, и вот уже все семья собралась вокруг ребенка, лежавшего без сознания. Горча исчез, как и накануне. Мы общими стараниями привели мальчика в чувство, но он очень был слаб и дышал с трудом. Он, бедный, не знал, как случился с ним обморок. Мать его и Зденка объясняли это тем, что ребенок испугался, когда его застали вместе с дедом. Я молчал. Но мальчик успокоился, и все, кроме Георгия, опять улеглись.

Незадолго до рассвета я услышал, как Георгий будит жену, и они заговорили шепотом. К ним пришла Зденка, и я услышал, как она и ее невестка плачут.

Ребенок лежал мертвый.

Может, вам это покажется странным, но все эти обстоятельства не мешали мне чувствовать к Зденке нежность, которая все больше усиливалась.

Днем мне не привелось говорить с нею наедине. Когда же настала ночь, у меня при мысли о скором отъезде сжалось сердце. Комната Зденки была отделена от моей сенями, которые с одной стороны выходили на улицу, с другой – во двор.

Мои хозяева уже легли спать, когда мне пришлось в го-

лову – пойти побродить вокруг, чтобы немного рассеяться. Выйдя в сени, я заметил, что дверь в комнату Зденки приотворена.

Невольно я остановился. Шорох платья, такой знакомый, заставил биться мое сердце. Потом до меня донеслись слова песни, напеваемой вполголоса.

Я не в силах был сдержаться. Этот голос, такой нежный, такой задушевный, был голос самой герцогини де Грамон... Я, не раздумывая, толкнул дверь и вошел. Зденка только что сняла с себя нечто вроде казакина, какой в тех местах носят женщины. На ней оставалась теперь шитая золотом и красным шелком сорочка и стянутая у талии простая клетчатая юбка. Ее чудесные белокурые волосы были расплетены, и вот так, полуодетая, она была еще красивее, чем обычно. Не рассердившись на мое внезапное появление, она все же, казалось, была смущена и слегка покраснела.

– Ах, – сказала она мне, – зачем ты пришел, – ведь коли нас увидят – что обо мне подумают?

– Зденка, сердце мое, – отвечал я ей, – не бойся: никто не услышит, что я скажу тебе.

– Нет, милый, иди скорей, иди! Застанет нас мой брат – я тогда погибла.

– Нет, Зденка, я уйду только тогда, когда ты мне обещаешь, что будешь меня любить всегда. Я скоро уеду, Зденка, и как знать, когда мы опять увидимся? Зденка, ты дороже мне моей души, моего спасения... И жизнь моя и кровь – твои. Неужели ты за это не подарешь мне один час?

И я, как безумный, прижал ее к сердцу.

– Ах нет, ты мне не друг, – проговорила она, вырвавшись из моих объятий, и забила в дальний угол.

Так я и стоял перед ней и не знал, что сказать, как вдруг заметил, что она вздрогнула и в ужасе глядит на окно. Я посмотрел в ту же сторону и ясно различил лицо Горчи, который, не двигаясь, следил за нами.

В тот же миг я почувствовал, как чья-то тяжелая рука опускается мне на плечо. Я обернулся. Это был Георгий.

– Ты что тут делаешь? – спросил он меня.

Озадаченный этим резким вопросом, я только показал рукой на его отца, который смотрел на нас в окно и скрылся, как только Георгий его увидал.

– Я услышал шаги старика, – сказал я, – и пошел предупредить твою сестру.

Георгий посмотрел на меня так, словно хотел прочесть мои сокровеннейшие мысли. Потом взял меня за руку, привел в мою комнату и ни слова не говоря, ушел.

На следующий день семья сидела у дверей дома за столом, уставленным всякой молочной снедью.

– Где мальчик? – спросил Георгий.

– На дворе, – ответила мать.

Не успела она проговорить эти слова, как перед нами, к нашему величайшему удивлению, появилась фигура Горчи; он, выйдя из лесу, медленно подошел к нам и сел к столу, как это было уже в день моего приезда.

– Добро пожаловать, батюшка, – еле слышно пролепетала невестка.

– Добро пожаловать, – тихо повторили Зденка и Петр.

– Отец, – голосом твердым, не меняясь в лице, произнес Георгий, – мы ждем тебя, чтобы ты прочел молитву!

Старик, нахмутив брови, отвернулся.

– Молитву, и тотчас же! – повторил Георгий. – Перекрестись – не то, клянусь святым Георгием...

Зденка и невестка склонились к старику, умоляя прочитать молитву.

– Нет, нет, нет, – сказал старик, – не властен он мне приказывать, а коли потребует еще раз, прокляну!

Георгий вскочил и побежал в дом. Он сразу же вернулся – взгляд его сверкал бешенством.

– Где кол! – крикнул он, – где вы спрятали кол?

Зденка и Петр переглянулись.

– Мертвец! – обратился тогда Георгий к старику, – что ты сделал с моим старшим? Отдай мне сына, мертвец!

И он, пока говорил, все более и более бледнел, а глаза его разгорались все ярче.

Старик смотрел на него злым взглядом и не двигался.

– Кол! Где кол!! – крикнул Георгий. – Кто его спрятал – тот в ответе за все горе, что нас ждет!

В тот же миг мы услышали звонкий веселый смех меньшого мальчика, и он тут же появился верхом на огромном колу, который волочил за собой.

Глаза у Георгия так и вспыхнули. Он вырвал у мальчика кол, и ринулся на отца. Тот дико завыл и побежал в сторону леса с такой быстротой, которая для его возраста казалась сверхъестественной.

Георгий гнался за ним по полю, и мы скоро потеряли их из виду.

УЖЕ зашло солнце, когда Георгий возвратился домой, бледный, как смерть и с взъерошенными волосами. Он сел у очага, и зубы у него, кажется, стучали. Никто не решался расспросить его. Но вот настал час, когда семья обыкновенно расходилась; он теперь, по-видимому, вполне овладел собой и, отведя меня в сторону, сказал, как ни в чем не бывало:

– Дорогой гость, был я на реке. Лед прошел, помехи в дороге нет, теперь ты можешь ехать. Прощаться с нашими нечего, – прибавил он, бросив взгляд на Зденку. – Дай тебе бог всякого счастья, не поминай лихом нас. Завтра чуть свет уж лошадь твоя будет стоять оседланная. Прощай, может, вспомнишь когда своих хозяев, и уж не сердись, коли жилось тут не так спокойно, как бы надо было.

Жесткие черты лица Георгия в ту минуту выражали почти что дружелюбие. Он проводил меня в комнату и в последний раз пожал мне руку. Потом он снова вздрогнул, и зубы у него застучали, словно бы от холода.

Ни досады, ни ревности я не испытывал. В моей душе было пусто. Я лег и проспал без сновидений всю ночь, а чуть свет я уже скакал по пыльной дороге, казалось, оставляя свой ночлег навсегда.

Маркиз замолк и взял щепотку табаку.

– И это все? – спросили дамы.

– Увы, нет! – ответил г-н д'Юрфе. – То, что осталось досказать вам, – мое мучительнейшее воспоминание, и я дорого бы дал, чтобы расстаться с ним.

Прошло примерно полгода, и мои дипломатические дороги вновь пересеклись с дорогами Сербии. Успех проведенных переговоров, одобрения, которые я получил от

кабинета, не то, чтобы вскружили мне голову, но сначала приглушили, а потом и вовсе рассеяли мои воспоминания о Зденке и о том странном происшествии, свидетелем которого поневоле я стал. Вечер застал меня в седле, и я решил где-нибудь подыскать пристанище. Вскоре я услышал звук колокола, и проводник сообщил мне, что неподалеку есть монастырь, в котором можно будет заночевать.

Я пришпорил коня, и немного спустя мы уже стучали в монастырские ворота. Монах впустил нас и повел в помещение, отведенное для путешественников. В нем оказалось столько паломников, что у меня пропала всякая охота оставаться здесь, и я спросил, удастся ли подыскать сносных хозяев в деревне.

– Какие хозяева, – с глубоким вздохом сказал монах. – Деревня уж давно пуста. А все проклятый Горча!

– Как, Горча! – воскликнул я, пораженный. – Так вот куда я попал! Но разве он еще жив?

– Да нет, он похоронен и в сердце кол. Георгий настиг его. Но у Георгиева сына вурдалак высосал кровь. Мальчик и вернулся ночью, плакал под дверью, ему, мол, холодно и домой хочется. У дуры-матери, хоть она сама его и хоронила, не хватило духа прогнать мальчика на кладбище, – она и впустила его. Тут он набросился на нее и высосал у нее всю кровь. Когда ее тоже похоронили, она вернулась и высосала кровь у меньшого мальчика, потом – у мужа, а потом у деверя. Всем – один конец.

– А Зденка? – спросил я.

– Ах, она от горя с ума сошла, бедняжка, – уж лучше и не говорить.

В этом ответе была какая-то неопределенность, но переспросить я не решился.

– Вурдалаки – это как зараза, – продолжил отшельник, перекрестившись. – Вы меня послушайте, переночуйте в монастыре, а не то, если даже вас не съедят вурдалаки, то там такого страху натерпитесь...

Ах, в то время само слово «страх» производило на меня то же действие, что звуки трубы на боевого коня. Мне себя было бы стыдно, если бы я не отправился немедленно. Проводник мой, весь дрожа, просил позволения остаться здесь – это я охотно разрешил. Мне потребовалось с полчаса, чтобы доехать до деревни. Она была безлюдна. Ни в одном окошке не блестел огонь, нигде не слышалась песня. В тишине проехал я мимо всех этих домов, по большей части знакомых мне, и остановился пред домом Георгия. То ли поддавшись чувствительным воспоминаниям, то ли движимый своей молодой смелостью, но я решил переночевать тут.

Я соскочил с лошади и постучал в ворота. Никто не отозвался. Я толкнул ворота, они под визг петель открылись, и я вошел во двор.

Не расседывая лошадь, я привязал ее под навесом, где оказался достаточный для ночи запас овса, и направился прямо в дом.

Ни одна дверь не была затворена, а между тем все комнаты казались нежилыми. Только комната Зденки имела такой вид, как будто ушли из нее лишь вчера. На постели были брошены платья, на столе в лунном свете блестело несколько драгоценных вещей, подаренных мною. Сердце у меня невольно сжалось. Как бы то ни было, я закутался в плащ и улегся на постель. Скоро меня одолел сон. Того, что мне снилось, я не помню в подробностях, но знаю, что

видел Зденку, прелестную, простодушную, любящую, как прежде. Глядя на нее, я упрекал себя в черствости и непостоянстве. Как я мог, спрашивал я себя, как я мог бросить это милое дитя, которое меня любило, как мог я ее забыть? Я упал к ногам Зденки и молил ее о прощении. Все мое существо, всю мою душу охватило невыразимое чувство грусти и любви.

Открыв глаза, я увидел Зденку. Луна сверкала так ярко, что теперь я до мельчайших подробностей мог во всей их прелести различить дорогие мне когда-то черты. Зденка и похорошела, и развилась. Она точно так же была полуодета, как и в прошлый раз, когда я видел ее, – в простой сорочке, вышитой золотом и шелком, и в юбке, туго стянутой у талии.

– Зденка! – сказал я, подымаясь с постели. – Зденка, ты ли это?

– Да, это я, – отвечала она голосом тихим и печальным, – это я, твоя Зденка, которую ты забыл. Ах, зачем ты вернулся раньше? Теперь всему конец, тебе надо скорее уезжать; еще минута – и ты пропал! Прощай, милый, прощай навсегда!

– Да что это за беда мне угрожает, Зденка? И неужели нельзя мне пробыть и часа, одного только часа, чтобы поговорить с тобой?

Зденка вздрогнула, и какая-то странная перемена свершилась в ней.

– Да, – произнесла она, – час, один только час. – Хорошо же, пускай, пробудь со мной час! Нет, нет, – опомнилась она вдруг, – уходи, уходи! Уходи скорей, слышишь, беги..! Да беги же, пока не поздно!

Черты ее одушевляла какая-то дикая энергия.

Я не мог объяснить себе причину, которая заставляла ее так говорить, но Зденка была так хороша, что я решил, не слушаясь ее, остаться. Она же, уступив наконец моим просьбам, уселась рядом со мной, заговорила о прошлом и, краснея, призналась, что полюбила меня сразу, как увидела только. Мне между тем становилась постепенно заметной огромная перемена, которая с ней произошла. Ее былая сдержанность сменилась какой-то странной вольностью в обращении. Во взгляде ее, когда-то таком застенчивом, появилось что-то дерзкое. И по тому, как она держалась со мной, я с изумлением понял, что в ней мало осталось от той скромности, которая отличала ее некогда.

«**Н**ЕУЖЕЛИ ЖЕ, – думал я, – Зденка не была той чистой и невинной девушкой, какой она казалась два года тому назад? Неужели она только притворялась из страха перед братом? Неужели я так грубо был обманут добродетельной внешностью? Но тогда почему же она уговаривала меня уехать? Или это, чего доброго, какое-то утонченное кокетство? А я еще думал, что знаю ее». Но все равно! Я всецело отдался чувству, которое влекло меня к Зденке, и она заигрывала со мной, а я весело отвечал ей в том же духе. Прошло уже некоторое время, как мы находились в той упоительной близости друг к другу, примерив Зденке забавы ради все ее драгоценности, я собрался надеть ей на шею эмалевый крестик, который нашел на столе. Зденка вздрогнула и отшатнулась.

– Милый, довольно ребячиться, – сказала она, – оставь эти побрякушки, поговорим лучше о тебе, о твоих делах!

Ее замешательство навело меня на всякие мысли. Внимательней приглядываясь к ней, я заметил, что на шее у ней не было, как раньше, всех тех образков, ладанок, которые сербы в великом множестве носят с детства до самой смерти.

– Зденка, – спросил я, – где образки, что ты носила на шее?

– Потеряла, – с раздражением в голосе ответила она и тотчас заговорила о другом.

Во мне заговорило какое-то темное предчувствие, я не сразу его и осознал. Я уже собрался уходить, но Зденка удерживала меня.

– Как же это, – сказала она, – ты просил меня побыть с тобой час, а уж хочешь уехать!

– Ты права была, Зденка, что уговаривала меня уехать; я как будто слышу шум, боюсь, как бы нас не застали! Твой брат...

– Успокойся, сердце мое, брат мой спит, его убаюкал ветер, что играет листвою. Сон его глубок, ночь длинна, а я тебя прошу – побудь со мной час!..

Зденка, когда говорила эти слова, была так хороша, что безотчетный ужас, томивший меня, ужа уступил желанию остаться с ней. Неприятное впечатление, вызванное пропажей образков и ее нежеланием надеть крестик, совершенно рассеялось. Зденка в своем небрежном наряде, с чудесными полураспущенными волосами, с драгоценностями, блестящими при лунном свете, показалась мне неотразимой. Я уже не сдерживал себя и крепко ее обнял.

Тут, милостивые государыни, мне было одно из тех таинственных откровений, объяснить которые я не сумею,

но в которые я поневоле уверовал в силу жизненного опыта, хотя раньше я не склонен был признавать их.

Зденку я обвинил руками с такой силой, что от этого движения крестик, который я вам показывал и который перед моим отъездом мне дала герцогиня де Грамон, острием вонзился мне в грудь. Острая боль, которую я ощутил в этот миг, явилась для меня как

Ее черты были искажены смертной мукой, глаза не видят, а улыбка -- лишь судорога агонии на лице трупа.

бы лучом света, пронизавшего все вокруг. Я смотрел на Зденку, и мне стало ясно, что черты ее, все чаще, правда, прекрасные, искажены смертной мукой, что глаза ее не видят и что ее улыбка – лишь судорога агонии на лице трупа. В этот же миг я почувствовал в комнате тлетворный запах – как из непритворенного склепа. Страшная истина предстала мне теперь во всем своем безобразии, я хоть и слишком поздно, вспомнил о предостережениях монаха. Я понял всю опасность моего положения и осознал, что все будет зависеть от моей отваги и самообладания. Я отвернулся от Зденки, чтобы не дать ей заметить ужас, написанный, должно быть, на моем лице. Тут взгляд мой упал на окно, и я увидел страшного Горчу, который опирался

на окровавленный кол и, не отрываясь, смотрел на меня. За другим окном вырисовывалось бескровное лицо Георгия, который в эту минуту до ужаса похож был на отца. Оба они, казалось, следили за каждым моим движением. Я не сомневался, что при первой моей попытке бежать, они набросятся на меня. Поэтому не показал вида, что их заметил, и огромным усилием воли заставил себя расточать Зденке такие ласки, как и до этого страшного открытия. В то же время я с тоской и тревогой думал о том, как вырваться отсюда. Я заметил, что Горча и Георгий переглядываются со Зденкой и что им уже надоедает ждать. За стеной мне послышался также и голос женщины, и крик детей, но такой ужасный, что его скорее можно было принять за вой диких кошек.

«Пора убираться, – подумал я, – и чем быстрее, тем лучше».

Обратившись к Зденке, я сказал погромче, – так, чтобы меня услышала ее страшная родня:

– Я, дитя мое, очень устал, хочется лечь и поспать несколько часов, но сперва надо мне сходить посмотреть, не съел ли мой конь свой овес. Ты, пожалуйста, не уходи и дождись меня.

Я коснулся губами ее холодных, безжизненных губ. Лошадь моя, вся в пене, так и рвалась со своей привязи. Я посмотрел, открыты ли ворота, вскочил в седло и дал коню шпор,

Я уже почти поздравлял себя с удачей, к которой привела меня хитрость, как вдруг услышал позади некий шум – точно рев урагана, разбушевавшегося в горах. Кричали, выли тысячи голосов. Потом все они, точно по уговору,

умолкли, и слышен стал только быстрый топот ног, как если бы отряд пехотинцев приближался беглым шагом.

Я ПОГОНЯЛ своего коня, немилосердно вонзая ему в бока шпоры. В крови моей разливался лихорадочный огонь, я напрягался, делая над собой невероятные усилия, чтобы сохранить присутствие духа, и вдруг услышал позади себя голос:

– погоди, погоди, милый! Ты дороже мне души моей, спасения моего! погоди, погоди! Твоя кровь – моя!

И меня сразу же коснулось холодное дыхание, и Зденка сзади меня прыгнула на лошадь,

– Сердце мое, милый мой! – говорила она, – вижу одного тебя, одного тебя хочу, я уже себе не госпожа, надо мной – высшая сила, – прости меня, милый, прости!

И, обвивая руками, она пыталась опрокинуть меня назад и укусить за горло. Между нами завязалась страшная и долгая борьба. Защищался я с трудом, но в конце концов мне удалось схватить Зденку одной рукой за пояс, другой – за косы, и, приподнявшись на стременах, я бросил ее на землю.

Тут силы оставили меня, и начался бред. Тысячи безумных и ужасных образов, кривляющихся личин преследовали меня. Сперва Георгий и брат его Петр неслись по краям дороги и пытались перерезать мне путь. Это им не удавалось, я уже готов был возрадоваться, как вдруг, обернувшись, увидел старика Горчу, который, опираясь на свой кол, делал прыжки, подобно тирольцам, что у себя в горах таким путем переносятся через пропасти. Горча тоже остался позади, тогда его невестка, тащившая за собой

своих детей, швырнула ему одного из мальчиков, а он поймал его на острие кола. Действуя колом, как пращой, он из всех сил кинул ребенка мне вслед. Я уклонился от удара, но гаденыш вцепился – не хуже настоящего бульдога – в шею моего коня, и я с трудом оторвал его. Другого ребенка мне таким же образом кинули вслед, но он упал прямо под копыта лошади и был раздавлен. Не помню, что произошло еще, но когда я пришел в себя, было уже вполне светло, я лежал на дороге, а рядом издыхал мой конь.

Так кончилось, милостивые государыни, любовное увлечение, которое должно было бы навсегда отбить у меня охоту продолжать в том же духе.

Как бы то ни было, я и сейчас содрогаюсь при мысли, что если бы враги одолели меня, то и я тоже сделался бы вампиром, и преклоненно благодарю небо, что оно избавило меня от этой страшной участи.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ ЗАКРЫТЫЙ АЭРОПОРТ

Когда закрыт аэропорт,
Мне в шумном зале вспоминается иное:
Негромко лошади вздыхают за стеною.
Во сне летя во весь опор,
Поля окрестные мокры,
На сто губерний – ни огня, ни человека.
Ах, постоянные дворы, –
Аэропорты девятнадцатого века.

Сидеть нам вместе до утра,
Давайте с вами познакомимся получше.
Из града славного Петра
Куда, скажите, вы торопитесь, поручик?
Под брань начальства и под выстрелы абрека.
И края обвалов и жары,
Ах, постоянные дворы, –
Аэропорты девятнадцатого века.

Куда ни ехать, ни идти,
В любом столетии, в любое время года,
Разъединяет нас в пути,
Объединяет нас лихая непогода.
О, как друг к другу мы добры,
Когда бесчинствует распутица на реках!
Ах, постоянные дворы, –
Аэропорты девятнадцатого века.

Какая общность в этом есть,
Какие зыбкие нас связывают нити!
Поэт с фельдфебелем – гонимый и гонитель –
Привычно чокаются здесь.
Оставьте споры до поры:
Вино задравное – в печали лучший лекарь.
Ах, постоянные дворы, –
Аэропорты девятнадцатого века.

Пора прощаться нам, друзья,
Окошко низкое в рассветной позолоте.
Неся нас в разные края,

Рванутся кони, словно лайнеры на взлете.
Похмелье карточкой игры.
Тоска дорожная да будочник-калека...
Ах, постоянные дворы, –
Аэропорты девятнадцатого века.

ТРАЗНЫЕ ДИКАРИ

ЭВЕЛИН СМИТ

ОСТАВЬ меня, Сскиру, – сказала Ларган, отталкивая руку юноши. – Нищий не смеет касаться верховной жрицы планеты Снаддра.

– Но ведь земляне ожидают не раньше, чем через пятнадцать минут, – возразил Сскиру.

– Что значат пятнадцать минут по сравнению с вечностью! – воскликнула девушка, ее прекрасные глаза увлажнились от волнения. – Ты, кажется, так и не можешь взять в толк, что между нами все кончено, – и не на минуты или часы, а навсегда.

Сскиру недоверчиво посмотрел на нее.

– Ты хочешь сказать, что теперь так будет всегда? Ты шутишь!

Ббулас сокрушенно вздохнул, но Сскиру сейчас было не до него. В данный момент его больше заботило то, как печально покачала Ларган своей прекрасной головкой, а когда она произнесла: «Нет, Сскиру, я вовсе не шучу...», он ощутил, как по обоим мизинцам его левой ноги разлился леденящий холод дурных предчувствий.

– ...а это значит – прощай! – продолжала девушка. – Конечно, мы еще увидимся, но отныне между нами будет лежать пропасть. Возможно, по праздникам тебе будет позволено целовать кромку моей мантии.

Сскиру повернулся к Ббуласу, присутствующему при этом разговоре.

– Это все из-за тебя! Это все твоя дурацкая затея!

Тонкое лицо Дилетанта выражало сочувствие, сочувствие явно не искреннее, ибо Сскиру был прекрасно осведомлен о том, что Ббулас положил глаз на его девушку.

– Сожалею, Сскиру, – вкрадчиво произнес Ббулас, – но мне казалось, что ты все прекрасно понял. Мы утверждаем новый образ жизни.

– Не то, чтобы я разлюбила тебя, Сскиру, – добавила Ларган с оттенком нежности в голосе, – просто благосостояние нашей планеты для меня превыше всего.

– Тогда почему меня сделали нищим, а ее – верховной жрицей? Это ты подстроил, Ббулас, ты...

– Послушай, Сскиру, – сказал Ббулас с нотками усталости в голосе, – тебе прекрасно известно, что принад-

– Не то, чтобы я разлюбила тебя, Сскиру, – сказала Ларган. – Просто благосостояние нашей планеты для меня превыше всего.

лежность к кастам, а также все должности и звания, за исключением моей и, конечно, тех, которые одинаково присутствуют цивилизованной и первобытной культурам, распределялись по жеребьевке.

Ббулас подышал на очки, которые ему пришлось заказать – контактные линзы были недостаточно примитивны для такой первобытной планеты, как Снаддра, – и начал протирать их полой своей мантии.

– В конце концов, – продолжил он, не отрываясь от своего занятия, – раз уж именно я разработал всю структуру нового общества, я имею полное право быть верховным жрецом. И вообще, если даже сам Президент одобряет мои действия, как можешь ты – рядовой законопослушный гражданин – подвергать сомнению их правомерность!

– Как же! Ведь ты учился в другой звездной системе, – сказал Сскиру, завертевшись на одном мосте от бешенства, – и потому мы должны считать тебя большим умником!

– Не буду отрицать того, что я имел возможность приобщиться к некоторым духовным ценностям, недоступным большинству населения нашей планеты. Однако, я всегда был готов применить полученные знания на благо, и когда такая необходимость наступила...

– ...ты, конечно, обрадовался возможности перетасовать всю нашу систему так, чтобы разлучить меня и Ларган. Ты сам уже давно поглядываешь на нее!

Сскиру презрительно свернул свои антенны спиралью и нацелил их в сторону Ббуласа в надежде, что оскорбление вынудит последнего, совершить неподобающий для его сана кувырок, но Дилетант хранил спокойствие. Од-

ним из главных принципов воспитания по земному типу была способность сохранять самообладание в любых ситуациях, и Ббулас это хорошо усвоил.

«Я ненавижу землян, – подумал Сскиру, – равно как и все, связанное с Землей». Дрожь возбуждения поднялась по его ногам и сейчас пульсировала в районе желудка. Он надеялся, что она не дойдет до антенн – если он не выдержит и начнет псонкировать в присутствии Ларган, это будет худшим из унижений.

– Сскиру! – воскликнула девушка, медленно вращаясь вокруг своей вертикальной оси (Ларган, как и ее бывший жених, получила образование в местном университете, достаточно солидном, но, по общему мнению, весьма провинциальном учреждении. Провинциальность выражалась в консервативном подходе к преподаванию прогрессивных социальных идей и совершенствованию управления эмоциями). – Можно подумать, что жребий и взаправду разрешился по некоему божественному наитию, ты ведешь себя, как последний нищий!

– К тому же, Сскиру, я уже устал повторять тебе, – добавил Ббулас с преувеличенным терпением, – что не имел ни малейшего понятия о том, кто разделит со мной высокий пост. Жребий выпал на Ларган. Это уж, как говорят земляне, судьба.

И он отошел к огромному голографическому зеркалу, чтобы поправить тяжелый отложной воротник своей мантии.

– Судьба, – пробормотал Сскиру про себя, – судьба и небольшая ловкость рук.

Однако он не решился высказать свое предположение

вслух – наказания за клевету были очень суровыми на Снаддре.

– Я полагаю, именно судьба распорядилась так, что отныне нам придется целыми днями торчать на поверхности, как... как грязным дикарям!

– Это жизненно необходимо, – ответил, не оборачиваясь, Ббулас.

– Ха! – произнес Сскиру. – Ха-ха-ха!

Ушные раковины Ларган поспешно прикрылись изящными мочками,

– Сскиру! Что за жаргон!

– Как ты правильно заметила, – проворчал Ббулас, презрительно изогнув одну из своих антенн в направлении Сскиру, – жребий определил ему подходящую участь.

– Послушайте, не может быть, чтобы не существовало иного решения проблемы... – начал Сскиру, но в этот момент тишину зала прорезал сверху шум возбужденных голосов.

– Показался корабль землян! – объявил по интеркому чей-то визгливый голос. – Всем наверх – и не забудьте про сандали.

НИЩИЕ могут не утруждать свою память. Нищие ходят босиком, живут в нужде и страданиях. Ббулас назло сделал из него нищего, а жеребьевка была просто наглым надувательством.

– Поторапливайся, Сскиру, – сказал Ббулас, – Если земляне заподозрят существование подземного города, мы погибли, не успев даже начать представления.

– Что касается меня, то лучше бы мы вообще ничего не

начинали, – проворчал Сскиру. – Интересно, чем была плоха старая добрая цивилизация?

Это был риторический вопрос, но, тем не менее, Ббулас ответил. Он всегда отвечал на вопросы – ему, похоже, не приходило а голову, что его школьные годы остались далеко в прошлом.

– Тысячу раз я объяснял тебе, что наша старая цивилизация была слишком похожа на цивилизацию землян, чтобы вызвать у них хоть какой-нибудь интерес. Все цивилизованные миры зачастую похожи друг на друга; только примитивные цивилизации не имеют ничего общего между собой. Следовательно, чтобы привлечь внимание землян, мы не должны иметь с ними ничего общего. Земляне очень разборчивы. Им нужно дать то, чего они хотят, и тогда они будут довольны. А сейчас ступай на свой пост, постарайся выгладеть как можно более голодным и помни, что все это делается ради Снаддры.

– Ради Снаддры, – вздохнула Ларган, прижимая руку к месту на груди, где находилось ее переднее сердце. Жест этот, каким бы целомудренным ни считался на Земле, был откровенно похабным на Снаддре ввиду того, что расположение некоторых жизненно важных органов у снаддриан и землян существенно различалось.

– Хорошо, – угрюмо отозвался Сскиру. – Я пойду на свой пост в грязи, и буду говорить на ломаном межгалактическом, я откажусь от всего, к чему я привык с детства, – в конце концов, я буду даже попрошайничать! Но никто не сможет заставить меня полюбить работу, которую я ненавижу.

Все три глаза Ларган увлажнились от волнения.

– Я горжусь тобой, Сскиру, – произнесла она срывающимся голосом.

Ббулас презрительно фыркнул.

В полном молчании они вместе поднялись на поверхность планеты.

– Подайте, ради Ипснадда! – протяжно возглашал Сскиру, пока двое появившихся из корабля землян продирались через грязь навстречу процессии молодых снаддриан, одетых в замысловатые церемониальные костюмы и распевавших популярную балладу, для которой Ббулас написал новые слова, отчего она стала менее непристойной и гораздо более скучной.

– Подайте, ради Ипснадда! – завывал Сскиру-попрошайка, у которого зуб не попадал на зуб, потому что его новенькие лохмотья, изготовленные лучшим портным планеты, были искусно орнаментированы дырами различных размеров, через которые беспрепятственно проникали ветер и дождь. Никогда прежде Сскиру не доводилось ступать на поверхность планеты, разве что в краткие мгновения перед взлетом, и после посадки аэромобиля при полетах в другое полушарие. Скаддриане давно уже отказались от наземных видов транспорта как от ненужных – а теперь были запрещены и все остальные, включая левитацию.

Поверхность планеты была неподходящим местом для обитания разумных существ, особенно в сезон дождей, или – в сезон сильных дождей, как правильнее выразиться, ибо других сезонов на Снаддре не существовало. На каждой ступне у Сскиру налипло по полтонны грязи, не в лучшем положении находились и члены торжественного

шествия, обутые в позолоченные пляжные сандалии. Сознание того, что самые привилегированные члены общества трясутся от холода, как и простые смертные, наполнило Сскиру чувством мрачного удовлетворения. Несмотря на пышность, одеяния знатных снаддриан были довольно открытыми – особенно это касалось женщин, ибо, насколько было известно, земляне принадлежали к гуманоидной расе.

Забуксовав очередной раз в грязи, Сскиру вдруг вспомнил об одной давнишней идее, возникшей у него после просмотра старого земного фильма на спортивные темы. Он хотел, но так и не успел осуществить ее – то погода была не та, то подворачивались другие, менее героические, но зато гораздо более эффективные спортивные подвиги, то Ларган жаловалась на то, что он уделяет ей мало внимания. Но соответствующая экипировка, которую он снял с разбитого азромобиля, до сих пор хранилось у него – а улучшить момент и сбегать за ней было проще простого.

«Ббуласу будет не на что сердиться», – подумал Сскиру, стараясь унять невольную дрожь в коленях, вызванную чувством вины. Что может быть первобытное наземного транспорта?

Экипировка показала себя превосходно – даже несмотря на то, что его самовольная отлучка оказалась более продолжительной, чем он предполагал, ему удалось приблизиться к землянам задолго до того, как показались первые встречающие.

Пришельцы и в самом деле оказались гуманоидной расой. Основное их отличие от снаддриан заключалось в несоответственной белизне кожи и отсутствии антенн. Что

же касается их одежды, то она вовсе не отличалась от того, что носили сородичи Сскиру перед тем, как перейти в первобытное состояние.

Сскиру был вынужден признать, что земляне, по крайней мере внешне, не имели ничего общего с теми тупыми, надменными монстрами, каких рисовало его воображение. Напротив, внешний облик обоих представителей цивилизации, контролирующей всю галактику, скорее располагал к себе.

СМОТРИ-КА, Рауль! – сказал старший из двух на своем родном наречии, которое снаддриане, согласно общей договоренности, не должны были понимать. – Настоящий попрошайка! Давненько я не видел попрошаек – с тех самых пор, как мы с ребятами проводили разведку на одной из малых планет в системе Артура, как бишь ее?.. Ну да, Глоч! Очень короткая получилась разведка. Не успели мы набрать материала на тонюсенькую брошюрку, как пришлось уносить ноги – уж очень настырные попались туземцы. Все хотели нас слопать.

– О, так это были каннибалы? – настолько почтительно осведомился второй землянин, что Сскиру не составляло никакого труда догадаться, кто из двух главный. – Какой ужас!

– Вовсе нет, – заверил его собеседник. – Туземцы не были гуманоидами. Это была совсем иная форма органической жизни – вряд ли это можно назвать каннибализмом. С точки зрения этики все было в порядке, но в тот момент абстрактные соображения морального плана зани-

мали нас гораздо меньше, чем желание остаться в живых. В конце концов было решено, что на них попробуют свои силы миссионеры. Обработают их, так сказать.

– И что же миссионеры? Удалось ли им обработать туземцев, Сирил?

– Полагаю, туземцы обработали – точнее, переработали миссионеров, – рассмеялся Сирил.

– Надеюсь, что эти создания не едят людей, – сказал Рауль, с готовностью улыбаясь на шутку Сирила и одновременно настороженно косясь на приближающуюся процессию. – Было бы очень жаль уносить ноги с этой планеты. В экспедицию было вложено столько сил, и это моя первая разведка. Мой первый реальный шанс показать, на что я способен.

– О, не волнуйся, мой мальчик, ты себя покажешь! – сказал Сирил и похлопал своего молодого коллегу по плечу. – Я абсолютно уверен в твоих способностях.

«Либо он чересчур глуп, – подумал Сскиру, – либо он лжет». Лжет, несмотря на все уверения Ббуласа в том, что не было случая, когда землянин сказал бы неправду. Это само по себе маловероятно, так как трудно представить себе, что какая-либо из существующих разумных форм жизни могла позволить себе говорить только правду и ничего, кроме правды.

– Внешне аборигены поразительно похожи на людей, – заметил Рауль, окинув оценивающим взглядом участвующих в процессии женщин. – Конечно, есть и некоторые отличия... но если два глаза могут быть прекрасны, то третий лишь на пятьдесят процентов прибавит очарования, а что касается некоторой оливковости кожи, то мне всегда нравились смуглянки.

«Если они еще немного поторчат на таком холоде, – подумал Сскиру, – они пожелтеют, как лимоны». Его собственная кожа успела уже потерять свой великолепный изумрудный отлив и по ней все явственнее проступала желтизна.

Сирил нахмурился, и в тот же момент улыбка исчезла с лица его собеседника, словно у него внутри сработала некая электронная схема, реагирующая на выражение лица начальства.

– Запомни раз и навсегда, – строго произнес Сирил, – нам запрещено вступать в неофициальный контакт с туземными женщинами. Как показывает опыт, это значительно снижает объективность изысканий.

– Так точно, Сирил, – Рауль был само послушание.

Сирил сменил гнев на милость:

– Я бы, пожалуй, подарил тому парню что-нибудь на добрую память. Как ты думаешь, какое средство обмена у них тут в ходу?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Рауль.

«Деньги», – сказал Сскиру про себя. Однако он не осмелился поделиться этой информацией с пришельцами.

– А ты пораскинь мозгами, старина. А лучше, пойди и узнай, что он хочет.

– Может быть, дать ему плитку шоколада? – все еще обиженно произнес Рауль. – Не зря же говорят, что язык желудка так же понятен всем, как и язык любви.

– Прекрасная мысль!

Сскиру принял шоколадку с подобающим и – вполне искренними – изъявлениями благодарности. В прежние времена в самых шикарных кулинарных магазинах плане-

ты можно было найти изделия из шоколада. Ныне же не существовало ни того, ни другого – и если Ббулас думает, что Сскиру собирается сохранить подачку и передать ее в казну, «верховный жрец» окончательно выжил из ума.

Чтобы избежать самой возможности подобных споров, Сскиру быстро обкусал шоколадку со всех сторон. Кроме чисто гастрономических достоинств, шоколад имел свойство повышать сопротивляемость снаддианского организма погодным условиям, а Сскиру – видит Ипснадд! – никогда прежде не подвергался воздействию природных условий в таком количестве.

Он слышал, что на Земле, где люди живут на поверхности планеты, жизнь во многом зависит от погодных условий: этот природный фактор часто становится причиной болезни и даже смерти землян, что помогает разрешить проблему рождаемости. На Снаддре в подобных мерах, увы, нет необходимости, ибо ее население как и ее природные ресурсы – уже давно убывало в геометрической прогрессии.

Нынешнее положение попрошайки, как обнаружил Сскиру, давало ему ряд преимуществ, которые не были доступны представителям высших классов. Например, ему чуть ли не вменялось в обязанность путаться под ногами у землян всю дорогу до храма (если, конечно, можно было назвать храмом развалюху, кое-как состряпанную за три дня). Единственная загвоздка была в том, что, благодаря своему противогрязевому оснащению, Сскиру было не так-то легко сдерживать шаг, и он постоянно забегал вперед. Всякий раз, когда это случалось, Ббулас награждал его угрожающим взглядом.

И ВСЕ-ТАКИ Сскиру не мог смириться со своей участью, как бы ни утешал он себя мыслью о том, что нищие находятся все же на более привилегированной ступени общества, чем несчастные парии-маталлоделатели. Тот факт, что металлоделание испокон веков являлось основным занятием снаддрян, автоматически обеспечил подавляющий перевес низшего сословия на планете. Ббулас явно не утруждал себя проблемами лучшего социального устройства Снаддры.

Сскиру проглотил остатки шоколада и, обернувшись к верховному жрецу, изобразил на лице простодушную улыбку, подобающую безмозглому попрошайке. При этом он едва удержался, чтобы не подпрыгнуть в воздух от ярости, ибо вспомнил, что, в отличие от его собственных, почти нематериальных лохмотьев, Ббулас был надежно защищен от ветра и дождя не только теплой мантией, но и скрытым под ней плотным металлическим трико. Не то, чтобы на Снаддре совсем не была ткани просто Ббулас рассудил, что землянам незачем знать, насколько планета зависит от импорта, и потому вся одежда, особенно находящаяся на виду, была сплетена из железных нитей.

Когда процессия достигла храма, на верхней площадке лестницы появилась Ларган и присоединилась к Ббуласу.

Только теперь Сскиру осознал, что разница между его жалкими лохмотьями и роскошным одеянием Ларган имеет роковое, необратимое значение. Он увидел всю глубину пропасти, разделяющей их, и впервые за свою недолгую жизнь ощутил всю несправедливость кастовых различий. Ларган была так прекрасна! И так недоступна.

– ...наш привет вам, жители планеты Земля, – прогово-

рила Ларган свои мелодичным голосом. – Наши кладовые пусты, но наши сердца полны любви и доброжелательности, и мы всегда готовы предложить вам то небольшое, что имеем. Мы надеемся, что ваше пребывание на нашей планете будет таким же долгим и приятным, как и на Немете...

При этих словах Сирил вдруг посмотрел на Рауля, но последний был настолько поглощен созерцанием прелестной Ларган, что не обратил на своего начальника никакого внимания.

– ...и вы оповестите все народы галактики о нашей готовности к сотрудничеству.

Когда она закончила, Сирил прочистил горло и сказал:

– Дорогие друзья! Для нас было большой честью получить приглашение посетить вашу планету, а радушный прием только подтверждает то, что мы не ошиблись, приняв его.

По толпе собравшихся прокатились вежливые рыдания. Сирил, очевидно считавший аплодисменты единственно возможным способом выразить одобрение, поборол минутное замешательство и продолжал:

– Мы абсолютно уверены в том, что пребывание на вашей планете доставит обеим сторонам немало удовольствия и выгоды. Мы обещаем провести исследование вашей цивилизации настолько безболезненно, насколько это возможно. Мы ни в коем случае не собираемся вмешиваться в ваши дела; наша цель – всего лишь предварительное знакомство.

«Ха! – сказал себе Скиру. – Ха-ха-ха!»

– Интересно, – прошептал Рауль на земном языке,

украдкой оглядев присутствующих, – почему только нищий в калошах?

– Тс-е-с! – зашипел на него Сирил. – Узнаем позже.

Ббулас вымученно улыбнулся. В этот момент Сскиру готов был поклясться, что оба сердца сжались от жалости к бедняге.

– Мы приготовили для благородных господ лучшую хижину, – сказал Ббулас, выказав изрядную долю самообладания, ибо голос его был спокоен. – Но это еще на все. По счастливому совпадению, как раз сегодня вечером напротив храма состоится небольшое, но чрезвычайно интересное ритуальное действо. Надеюсь, вы не откажетесь почтить своим присутствием Танец Дождя?

– Танец Дождя! – Рауль поплотнее запахнул на себе непромокаемый плащ. – Но зачем вам еще дождь? Неужели вам мало? И так льет как из ведра, а планета – клянусь честью! – превратилась в сущее море грязи. Нет, конечно, – спохватился он, поймав на себе предупреждающий взгляд Сирила, – никто не говорит, что это плохая грязь. Напротив, я никогда не видел более шикарной грязи. Как липнет к ногам! А какой цвет! Какой аромат!

Сирил сопровождал каждое восклицание своего подчиненного кивком головы и одобрительным хмыканьем,

– Но, – продолжал Рауль, – даже такой замечательной грязи, как у вас, иногда бывает чересчур много...

Все это время улыбка не сходила с непроницаемого лица Ббуласа:

– Вот именно, досточтимые земляне. Поэтому и будет проводиться сегодняшний ритуал. Этот танец не вызывает дождь. Он его прекращает.

«Что-что, а выкручиваться он умеет, – признал Сскиру. – Однако для государственного деятеля этого недостаточно. Ббуласу не хватало организаторских способностей. За то время, которым он располагал для реконструкции Снадрры, он мог бы выдумать что-нибудь получше теократической модели, списанной с университетского курса истории. Он мог бы распределить роли таким образом, чтобы каждый вносил посильный вклад в общее дело, а не бездействовал.

Разве может энергичный, целеустремленный молодой человек назвать настоящей жизнью вечное прозябание с протянутой рукой?»

Да и кто, кроме землян, откликнется на мольбы Сскиру о подаении? Ведь как бы серьезно ни вжились смаддриане в предписанные им роли, ни один из них не смог бы зайти настолько далеко, чтобы подать милостыню юноше, которого вся планета привыкла видеть купающимся в роскоши.

ТАК уж получилось, что несмотря на огромные деньги, которые Сскиру зарабатывал в прошлом, легкомыслие и невоздержанность помешали ему сделать хоть какие-нибудь минимальные сбережения, и теперь, после такого ужасного поворота судьбы, ему, похоже, не оставалось ничего другого, как умереть с голоду. Перед его мысленным взором проходила картина своих собственных похорон, и это доставляло ему удовольствие неведомого доселе мазохистского свойства. В то же самое время он понимал, что, скорее всего, Ббулас уже приготовил для него что-нибудь вроде пособия по безработице,

ибо даже последний тупица вряд ли мог заподозрить у Сскиру такой беззаветный патриотизм. Человек может по-разному умереть за свою планету – но заморить себя голодом ради глупого притворства не может ни одно разумное существо.

Разумеется, он мог бы укрыться в одном из захолустных уголков планеты и тем самым отсрочить свою участь, но тогда получится, что он, как последний трус, вышел из игры. Кроме того, тогда он не сможет больше видеть Ларган.

«И все-таки, – размышлял Сскиру, – это унижительно. Ему, одному из самых талантливых архитекторов планеты, придется перебиваться на пособие по безработице только потому, что кому-то в голову пришла дурацкая идея жить на поверхности! Столица была уже перенесена наверх, а вскоре за ней последуют и другие города, на которые пока наложено строжайшее табу, чтобы земляне – не дай Бог! – не догадались об их существовании.

В довершение всех этих бед Сскиру было нанесено унижение, задевающее его профессиональную гордость, его даже не пригласили принять участие в строительстве хижин! Все было сделано Ббуласом и горсткой рабочих по древним репродукциям из тысячелетней давности земного журнала, который за непомерную цену был приобретен в одной из букинистических лавок на Гамбрелле.

При всем при том Сскиру прекрасно понимал, что у снаддриан не было иного выхода, как решиться на такую ужасную ломку прежнего жизненного уклада. Планета изначально не обладала обильными запасами полезных ископаемых, а теперь, когда возраст снаддрианской цивили-

зации исчислялся тысячелетиями, они – за исключением разве что некоторых минералов – были окончательно исчерпаны. Все растительные и животные формы находились на грани исчезновения. Исключение составляли только рыба и рис – единственное растение, которое выжило на Снаддре после того, как его завезли с Земли. Поэтому пищевые продукты и хлопковое сырье приходилось импортировать по баснословным ценам. Положение осложнялось еще и тем, что Снаддра находилась в отдалении от оживленных торговых путей.

Надо было срочно что-то предпринимать. Тут-то и появился новый Всепланетный Дилетант.

Согласно традиции, когда должность Всепланетного Дилетанта становилась вакантной, в этот ранг возводился государственный служащий, успешно прошедший все отборочные испытания и показавший самый высокий уровень интеллекта, моральной устойчивости и общей одержимости. Однако, в отношении тестов на чувство меры, толерантность и приятность манер традиции допускали значительные отклонения от оптимума – как раз в этом-то Сскиру и видел причину всех несчастий. Разве более или менее строгий отбор позволил бы такому человеку, как Ббулас, встать во главе всех?

Победитель отправился на Гамбреллу, ближайшую к Снаддре планету с университетом Галактического Союза, чтобы получить образование по земному типу. Ни один житель Снаддры, как бы он не был богат, не мог позволить себе такого обучения за свой счет. Из-за этого только одному счастливцу из целого поколения удавалось выбраться за пределы и так набраться там учености, чтобы хватило на все население Снаддры.

Теоретически обязанности Дилетанта сводились к тому, чтобы находиться в постоянной готовности, на случай, если родной планете придется туго – и такой случай подвернулся. Старик Луккар, бывший президент, который не мог более закрывать глаза на то, что Снаддра находится на грани катастрофы, созвал совещание парламента и после нескольких часов самобичевания призвал Ббуласа как единственно возможного – и к тому же официального – спасителя планеты. Ббулас, обрадованный тем, что, наконец, дождался своего выхода на арену, предложил план.

Сам Сскиру никогда бы не предложил такого идиотского плана. Тем не менее, «Программа Ббуласа» была одобрена большинством голосов, и Сскиру, как гражданину и патриоту, ничего не оставалось делать, как подчиниться ее требованиям. Он смирился с участью попрошайки не только потому, что это была его обязанность, но и потому, что у него, как и у его родной планеты, не было выбора.

Однако, утешал он себя, еще не все потеряно. Не сами ли он в своих книжных изысканиях встречался с десятками случаев, когда нищим отводилась почетная, а иногда ответственная роль в жизни общества? Отчего бы и Сскиру в этом бутафорском первобытном мире, созданном Ббуласом в качестве приманки для земных антропологов, не совершить нечто героическое, что могло бы сделать его достойным руки верховной жрицы? Насколько было ему известно, примитивная романтическая традиция землян чуть ли не целиком основывалась на подобных происшествиях.

СККИРУ! – завопил Ббулас и, пользуясь тем, что они находились в безопасном отдалении от землян, подпрыгнул и перевернулся через голову. – Слушай, ты, идиот! Какого черта ты напялил себе на ноги эти дурацкие штуковины?!

Сккиру выдвинул в направлении Ббуласа все три телескопических глаза, что у снаддриан означало наивное изумление.

– Это вовсе никакие не штуковины, а просто пара старых поплавков. Я их нашел на разбитом аэромобиле и подобрал на всякий случай, а тут подумал, что...

Ббулас бешено завертелся в воздухе.

– Тебе никто не давал права думать!

– Хорошо, Ббулас, – смиренно произнес Сккиру.

У него, конечно, нашлось бы, что ответить верховному жрецу, но в данный момент он не хотел вступать в перебранку. Ему нужно было беречь силы для осуществления созревших в его голове далеко идущих планов.

Неожиданно за него вступился Луккар;

– Однако, эти поплавки – прекрасная идея. Они достаточно первобытны и очень удобны.

Ббулас сразу поумерил свой пыл. Несмотря на то, что в настоящее время Луккар был всего лишь главным Картофельным вором и сидел без работы, так как на планете испокон веков не водилось картофеля, и ни один снаддриан не смог бы толком объяснить, что это такое – еще совсем недавно он отправлял должность президента, причем на выборах его поддержало подавляющее большинство населения. А подавляющее большинство населения – это сила, с которой привыкли считаться в любом уголке галактики.

– Любое отклонение от нормы вызовет подозрения, – разъяснил он.

– Но если нам всем...

– Поплавков не хватит на всех, даже если раскурочить все имеющиеся на планете аэромобили.

– Хорошо, – задумчиво произнес Луккар. – А что, если нам наладить производство и...

– У нас нет времени! – оборвал его Ббулас. – Ладно, Сскиру, давай-ка снимай поскорей эти штуки.

– Слушаюсь, – опять согласился Сскиру. Было бы очень неразумно сейчас затевать спор. К тому же ради высшей цепи он был готов шлепать по грязи босиком сколько угодно.

Ближе к вечеру ему удалось улизнуть с репетиции Танца Дождя. В этом празднике ему отвели роль стороннего наблюдателя, и он решил, что справится с ней без предварительной подготовки. Вместо этого Сскиру отправился в библиотеку, где, пользуясь отсутствием отплясывающего наверху персонала, он мог сколько угодно рыться на стеллажах.

Если землян интересовали по-настоящему первобытные культуры, им просто необходимо было взглянуть на городскую библиотеку, картотека которой представляла из себя верх дикарства. Жаль только, что городская библиотека, как впрочем и весь город, являлись для них строжайшим табу. Единственное, что им дозволялось лицезреть, была цепочка кособоких каменных строений (вообще-то им полагалось быть деревянными, но разве можно придерживаться исторической правды на планете, где дерево найти труднее, чем платину), которая отныне явля-

лась столицей Снаддры не только для землян, но и для несчастных аборигенов. Впрочем, последние все же имели возможность в ночные часы покидать украдкой поверхность планеты и наслаждаться заслуженным отдыхом в своих сухих и теплых подземных апартаментах.

После нескольких часов возни со старыми учебными фильмами Сскиру нашел то, что искал. В своем плане преобразования планеты Ббулас сделал основной упор на моральный аспект общества и почти не обратил внимания на такой важный его элемент, как мифология. Именно в этой области Сскиру решил сконцентрировать свои усилия.

ТАНЕЦ Дождя, на постановку которого лучшие хореографы планеты потратили немало сил, достиг своего апогея, и, к удовольствию зрителей, в небо взвились огненные струи фейерверка.

– Однако дождь так и не перестал, – заметил, поеживаясь, Рауль.

– Неужели вы и впрямь поверили, что... – начал было Ббулас, чьи глаза едва не выскочили из орбит от изумления, – то есть я хотел сказать, – вовремя спохватился он, – что это происходит не сразу... Может быть, боги еще недостаточно умилились.

– А я-то полагал, старина, что у вас только один бог, – сказал Сирил. – Гипсад или что-то вроде того.

– Ипснадд. Это наше верховное божество. Кроме него у нас есть главные и второстепенные боги, есть герои и полубоги, есть духи природы...

– И не забудь о пророках, – вставила Ларган, она не

привыкла так долго оставаться без внимания. – У нас полным-полно пророков. И еще святых. Я, например, готовлюсь стать...

Ббулас окинул со свирепым взглядом. Она запнулась и – хотя антенны ее негодуяще задрожали – замолчала.

– Похоже, ваша культура не так проста, как кажется на первый взгляд, – заметил Сирил.

– Вовсе нет! – обеспокоенно возразил Ббулас. – Мы простодушные дикари, которые давно отказались от технологического прогресса.

– А зачем он вам? – спросил Сирил. – С вашими-то фейерверками, которые не гаснут под дождем.

Сскиру стоило больших трудов удержаться от хохота.

– Мы просто дикари, – беспомощно повторил Ббулас, – просто грязные дикари.

– Мне кажется, – сказал Рауль, и глаза его загорелись тем огнем, в котором любое, даже отдаленное гуманоидное существо безошибочно узнало бы мистическое озарение, – что вашему народу удалось каким-то образом сохранить свойства, которые цивилизованные люди утрачивают уже с изобретением паровой коляски.

Однако Сирила не так-то просто было сбить с толку.

– Ну, ну, Рауль, – засмеялся он, похлопывая юношу по плечу, – ты, кажется, попался в ту же ловушку, что и в свое время старик Руссо – благородные дикари и прочая там чепуха!

– Давайте лучше поговорим о более приятных вещах, – вновь оборвал его Ббулас. – Завтра вечером у нас намечается небольшой праздник, и мы сочтем за честь, если вы не откажетесь присутствовать.

– С превеликим удовольствием, – сказал Рауль и поклонился.

– Однако я не могу понять, – обратился Рауль к Сирилу, когда они расположились на отдых в своей хижине, где (как им казалось) их никто не мог подслушать, – почему вы относитесь с таким подозрением к этим милым, дружелюбным людям? На вид

они – просто вылитые туземцы из учебников.

«Так оно и есть – подумал Сскиру, прокрававшийся по потайному коридору, предназначенному исключительно для шпионских целей, – мы просто туземцы из учебников. Вся «программа» Ббуласа сильно смахивает на широко-масштабный школьный маскарад».

– Как раз это меня и смущает, – ответил Сирил. – Все как в учебниках!

– Ну и что? Не станете же вы отрицать возможности появления аналогичных признаков у различных независимо развивающихся цивилизаций?

– Возможность, конечно, имеется. Но возможность – это одно, а вероятность – особенно, когда несметное коли-

Скиру крался глубинными ходами подземелья, когда-то предназначенного для шпионских целей.

чество признаков впессовано в одну микроскопическую культуру – это нечто совсем другое.

– Я не могу вас понять, – упорствовал Рауль. – Чего вам еще нужно от этих бедных туземцев? Мне кажется, что все идет как нельзя лучше. Контакт был установлен почти с ходу.

– Чересчур с ходу, не правда ли? Если бы у тебя было побольше опыта, ты бы знал, что это не случается так просто.

СИРИЛ лежал на одной из жестких кушеток, изготовленных специально с учетом неприхотливого вкуса землян, и пускал в потолок кольца дыма. Сскиру почувствовал, что готов полжизни отдать за сигарету, но это был еще один аналогичный признак, который снаддриане вынуждены были хранить в тайне – не то чтобы курение было недостаточно первобытной привычкой, просто табак не мог быть причислен к туземным растениям планеты.

– Это потому, что у них в характере нет ни капли враждебности, – настаивал Рауль. – Очевидно, у них никогда не было врагов. И, все-таки, что за интересный народ! Вот уж не думал, что в первой же экспедиции мне попадется такая колоритная цивилизация, – радостно добавил он. – Никогда не слыхал о такой динамичной культуре!

– Я тоже, – согласился Сирил, – а это у меня далеко не первая экспедиция. В социотип этого народа вкраплено огромное количество чужеродных элементов. У меня сложилось впечатление, что ужасающие природные условия никак не повлияли на внешний облик их культуры.

Например, тебя не удивляет, что общество с такой непомерно сложной социальной структурой, как на Снаддре, но могло додуматься до того, чтобы изобрести одежду, способную защитить от непогоды?

– Но ведь индейцы из Терра дель-Фуэго даже в самый сильный мороз одевались только в короткие накидки из тюленьей кожи, – наставительным тоном изрек разгоряченный спором Рауль. – Конечно, цивилизация снаддриан неизмеримо более развита, чем индейская, но, согласитесь, подобные аномалии можно обнаружить во всех первобытных культурах.

– До какой-то степени это верно. Но согласишься и ты, что они могли изобрести сапоги, чтобы хоть как-то передвигаться по грязи. И почему, кстати, только нищий был в калошах? Более того, – Сирил прищурился и ткнул сигаретой в направлении Рауля, – почему он снял их вскоре после нашего прибытия и в дальнейшем разгуливал только босиком?

– Не спорю, это странно, – вынужден был признать Рауль, – но... что вы предлагаете?

Сирил рассмеялся.

– Все, что я предлагаю – это не делать спешных выводов по поводу этой цивилизации, а продолжать исследования до тех пор, пока мы не обнаружим причину такого странного индивидуального и общественного поведения снаддриан.

– Ну разумеется! Иначе зачем же мы сюда прилетели?

«На самом деле, – подумал Сскиру, – больше всех волновался как раз Рауль. Это было вполне объяснимо – молодому человеку была по душе молниеносная и поверх-

ностная этнографическая разведка, и всякое возникающее на пути осложнение раздражало его».

– Обрати внимание, – продолжал Сирил. – Они называют наше жилище хижиной. А ведь это почти дворец.

«Великий Боже! – подумал Сскиру, – что же они тогда подразумевают под первобытными условиями?»

– Но мы же не знаем, какой смысл они вкладывают в это название, – возразил Рауль. – К тому же, здесь протекает крыша. По-вашему, это признак роскоши? – и он переместился в другой угол комнаты, дабы не испытывать на себе вещественность своего аргумента. – Что же касается санитарного блока, так первобытнее ничего и не придумаешь.

– Крыши многих дворцов протекают, и почти в каждом из них нет даже намек на канализацию – и все-таки их никто не называет хижинами. А теперь скажи-ка мне, с чего бы это металлоделателям быть париями? Именно металлоделателям?

Рауль вытаращил на него глаза.

– Но иногда класс отверженных образуется и без наличия видимых социальных условий. Все учебные фильмы...

– Все это так, но, если ты помнишь, кузнецы с Масаи были сделаны париями, по той причине, что они производили оружие, которое могло толкнуть народ на путь кровопролития.

– Но до сих пор мы не видели здесь ничего похожего на оружие, – сказал Рауль. – Напротив, более миролюбивый народ трудно даже представить.

– Именно, – Сирил пустил очередное кольцо дыма. – И раз благосостояние планеты целиком зависит от обработки

минеральных руд, то зачем же загонять представителей этой промышленности в касту отверженных?

– Вы полагаете, металлоделатели представляют из себя скрытую опасность?

Сирил усмехнулся.

– Я полагаю, что они, действительно, скрывают то, что из себя представляют, но вряд ли это опасно.

«Ага, – подумал Сскиру, – ну Ббулас, мой высокоученый друг, у меня есть для тебя кое-что интересное.»

– Идиот! – неистовствовал Ббулас вечером, когда большая часть населения Снаддры тайно собралась в подземном зале заседаний, где система кастовых различий никем, кроме Ббуласа, не соблюдалась. – Кретин! – Не в силах больше противостоять напору снаддрианских страстей, накопившихся за длинный день притворства, он бешено крутанулся в воздухе. – Я уже наполовину решил избавиться от тебя, даже если для этого мне придется призвать на помощь божественный промысел.

– Интересно, каким же это способом? – спросил Сскиру, почувствовав, как негромкий крик отчаяния, вырвавшийся у Ларган при последних словах Ббуласа, наполняет его грудь ликованием. Она любит его несмотря ни на что! И она никогда не будет принадлежать Ббуласу.

Ббулас тяжело вздохнул и расправил руками свои антенны, согнувшиеся под грузом украшавших их бриллиантов. – Никогда не встречал людей, которые задают так много вопросов, как эти земляне. Все это напоминает мне выпускные экзамены на Гамбрелле.

– Всякому известно, что антропологи всегда задают много вопросов, – вставила Ларган. – Это их работа. И не-

чего так орать на Сскиру! Как и каждый из нас, он старался изо всех сил. Кто мог бы лучше его сыграть нищего?

ОНА улыбнулась Сскиру, и он почувствовал, как оба его сердца заколотились в груди. Только последний олух, подумал он, может бросить все и сдаться. В конце концов, не будет же эта унижительная комедия продолжаться вечно. Если только его собственный план сработает быстрее, чем медлительная программа Ббуласа, Ларган снова будет принадлежать ему.

– Если каждый желающий будет браться за управление планетой, – проворчал Ббулас, снимая с головы тиару, – я гарантирую вам, что мы загубим все дело.

Тут вмешался Луккар. Несмотря на то, что почетная должность Картофельного вора позволяла ему наслаждаться ничегонеделанием, и это ему даже немного нравилось, ответственность за свой прежний выборный пост не давала успокоиться этому достойному слуге народа.

– В конце концов, – сказал старик, – пусть тайно, но у нас всё еще существует демократия, и, пусть тайно, но я все еще президент, и потому не могу не сказать, что начинаю удивляться необдуманности и поспешности...

– Послушайте, вы все! – раздраженно оборвал его Ббулас. – Я придумал все это не для собственного удовольствия.

«А для чего же еще? – подумал Сскиру. – Просто ты не можешь признаться в этом даже себе».

– Все вы знаете, что случилось с Неметой, – Ббулас начал излагать доводы, которые из-за неоднократного повторения, отчасти потеряли свою убедительность. – Это

была самая нищая, самая отсталая планета во всей галактике. Каких-нибудь сто лет тому назад на ней побывала пара антропологов с Земли, и что же? За ними последовали другие, а следом прибыли и торговые корабли. Сейчас это самая богатая и процветающая планета в своем секторе. Не понимаю, почему, если мы верно разыграем свою карту, то же самое не может случиться и со Снаддрой?

– Но может так случиться, что эти двое не захотят рассказать о нас, – сказал Луккар. – Насколько я могу судить, в поведении старшего землянина есть что-то, что наталкивает на эту мысль. Может быть, они просто не хотят, чтобы история с Неметой повторилась, – в таком случае мы просто теряем время даром. И, наконец, – заключил он довольно сварливо, – появляться в моем возрасте на поверхности планеты слишком вредно для здоровья.

– Если они никому о нас не расскажут, – сказал Ббулас, лицо которого слегка позеленело от волнения, – мы распространим информацию сами. Достаточно будет, если они сделают одну завалющую брошюрку – даже с неверными координатами. Потом мы всегда сможем нанять хорошего газетчика, чтобы в печать просочились сведения о нашем местонахождении, и необходимая реклама. Я прошу вас строго придерживаться своих обязанностей, а головную боль оставить мне. Никто из вас пока еще и пальцем не пошевелил для спасения планеты! И день пройти не успел, как со всех сторон одни только жалобы и жалобы.

– В самый раз твоей голове и заболеть, – заявил Сскиру, – потому что земляне уже начали подозревать неладное. Неладное, понимаешь?

– Откуда ты знаешь? – быстро спросил Ббулас. – Они что, посвящают тебя в свои тайны? Смотри, Сскиру, если ты хоть словом обмолвился о...

– Ничего подобного! – поспешно возразил Сскиру. – Я только подслушивал за дверью. Я понимаю, что подслушивать плохо, но ведь нищие только этим и занимаются. К тому же, мне хотелось доказать, что я тоже могу приносить пользу.

Он радостно улыбнулся Ларган и тут же получил ответную улыбку.

– Я мог бы никому ничего не говорить, – продолжил он, – но я предпочитаю честную игру.

–Зря старался, Сскиру, – устало произнес Ббулас. – Стены их хижины утыканы микрофонами.

– Хижины! – Усилием воли Сскиру подавил дрожь раздражения в антеннах. – Они считают, что это дворцы. Ты перестарался, Ббулас.

– Возможно, я и придал немного величия внешним формам зданий, – согласился верховный жрец. – Я пытался вылепить нашу первобытную культуру согласно представлениям о подобных структурах, бытующим на Земле, но, боюсь, некоторые мои распоряжения были воплощены в жизнь скорее по снаддрианским понятиям о дикарстве, чем по земным.

– Почему это наше собственное дикарство мы должны строить по земному образцу? – осведомился Луккар. – Неужели даже в этом нужно рабски следовать земной моде? Я благодарю тебя, Сскиру, за то, что ты рассказал нам о подозрениях землян. Сомневаюсь, чтобы Ббулас стал угрождать себя по такому пустячному поводу.

– Как верховный жрец, – непреклонно заявил Ббулас, – я вынужден напомнить всем присутствующим о том, что с некоторых пор все государственные дела, независимо от степени их важности, находятся исключительно в моей компетенции.

– Позер! – раздался из темноты зала чей-то голос.

Зелень на лице Ббуласа проступила гораздо более явно. Он снова задергал антеннами.

– В конце концов, Луккар, ты вполне добровольно согласился на роль верховного старейшины...

– Картофельного вора, – поправил его Луккар с оттенком горечи в голоса. – Что совсем не одно и то же.

– Только не на Земле, – быстро продолжил Ббулас. – Подумайте, откуда, как не с Земли, нам брать еще сведения о первобытной культуре? О Немете не может быть и речи – она слишком хорошо описана. А если учесть, что нам неизвестно о существовании миров, где общественная структура разумных форм жизни хоть как-нибудь отличалась бы от земной – кроме нескольких абсолютно негуманоидных цивилизаций, которые мы не можем имитировать по чисто физиологическим причинам, – то нам ничего не остается делать, как черпать информацию о первобытном обществе в земных источниках. Кроме того, некоторая схожесть двух культур только облегчит восприятие землян и, следовательно, сделает Снаддру гораздо привлекательнее для них в психологическом плане, – он остановился и расправил антенны.

– Другими словами, – заметил Сскиру, чувствуя за собой поддержку Ларган и Луккара, – у тебя не хватило ума придумать свою, ни на что не похожую, цивилизацию, и ты попросту украл ее у землян.

– Не лезь не в свое дело, Сскиру, – бросил ему Ббулас.
– Ты попрошайка – вот и попрошайничай.

– Эго наше общее дело, Ббулас, – мягко поправил его Луккар, – мы все одинаково заинтересованы в его исходе.

– Конечно, конечно, но, пожалуйста, раз уж план принадлежит мне, позвольте мне и руководить его осуществлением.

Затем Ббулас глубоко вздохнул:

– Ну, а сейчас нам нужно хорошенько подготовиться к празднику. Мы дадим землянам безделушки, которые Женская Лига приготовила для ежегодной благотворительной ярмарки, и, надеюсь, получим взамен что-нибудь ценное, вроде шоколадных плиток... – тут он бросил на Сскиру осуждающий взгляд, – и прочей еды.

– А если повезет, то, может быть, даже немного картофеля, – предположил Луккар, – чтобы я мог его украсть.

– Я попытаюсь это как-нибудь устроить, – пообещал Ббулас.

СККИРУ вполне устраивало то, что ему, как нищему, не нашлось места во время пиршества за столом – он терпеть не мог рыбу. А именно рыба составляла большую часть предлагаемых закусок, ибо устроителям пира не хотелось, чтобы гости догадались о том, что снаддриане уже успели попасть в унижительную зависимость от консервной банки, которая служит одним из коренных различий, отделяющим дикаря от цивилизованного человека.

На стол были поданы рисовые крекеры с рыбным паштетом, рыбный суп с рисом, вареная рыба, печеная рыба,

жареная рыба, рыбный плов, рыбные пироги, рыбное пирожное и, наконец, гуслат – довольно крепкий напиток, изготовленный из вытяжки перебродившей рыбной печени, которым предлагалось запивать все вышперечисленное. Даже в библиотеке, куда Сскиру удалился во время пира, он не мог избавиться от навязчивого запаха рыбы, который проникал туда по вентиляционным каналам и неприятно щекотал ноздри.

И тут Сскиру осенило. Идея была настолько ошеломляющей, что он тотчас пожалел о крайней узости сферы ее применения. Грандиозное представление, задуманное Сскиру, заслуживало того, чтобы его разыграли перед огромной, захлебывающейся от рыданий аудиторией, но соображения пользы вынуждали Сскиру ограничить число зрителей двумя землянам. А соображения осторожности подсказывали, что место действия должно находиться за стенами хижины пришельцев, подальше от встроенных в них микрофонов. Если Ббулас ненароком услышит его вопли, он завертится, как вентилятор. Процветание планеты волновало верховного жреца гораздо меньше, чем прочность своего положения.

К счастью, гуслат сделал свое дело, и, когда земляне добрались до входа в свою хижину, они были одни. Остальные пирующие либо находились в глубоком ступоре, либо не отважились пуститься в опасное путешествие по океану грязи.

Выказав изрядную долю изобретательности, антропологи успели смастерить из части своей экипировки точные подобия галош, которые днем раньше красовались на Сскиру. Однако даже в галошах оба землянина не очень

твердо держались на ногах, и Сскиру так и не мог решить, является ли это следствием чрезмерного употребления гуслата, или все-таки в этом виновата грязь,

– Подайте, ради Ипснадда! – Он протянул навстречу им руку.

– Смотрите-ка, опять этот нищий! Отчего это ты не присутствовал на пиршестве, достойный попрошайка? – Рауль икнул. – Прекрасная вечеринка. Прекрасные женщины. Прекрасная рыба.

Сскиру чуть было не встал на голову, но, вовремя, вспомнив, что это больше не является общепринятым выражением скорби, вместо этого опустил глаза долу.

– Меня не пригласили, – печально произнес он.

– Совсем как бедную Золушку, – посочувствовал Рауль. – У меня просто сердце кровью обливается, добрая Зо... з-э э, добрый попрошайка. Сирил, у вас сердце кровью не обливается?

– Еще как, – ответил пожилой этнограф, едва заметно улыбаясь. – Но если уж ты решился стать дикарем, то нечего жаловаться на судьбу.

«Да он в стельку пьян! – решил Сскиру, – иначе он бы никогда не сказал такой глупости. Если только он не... » – нет, Сскиру отказывался в это поверить. Сирил мог что-то подозревать, но не более того. Нельзя было допустить, чтобы он продвинулся в своих подозрениях еще хоть на шаг! Сскиру почувствовал внезапную дрожь в коленках.

– Как вы можете говорить такие вещи дикарю! – возмутился Рауль. – Если бы он не был дикарем, вы могли бы называть его дикарем сколько угодно.

– Мой мальчик, тебе нужно выпить кофе, – широко

улыбнулся Сирил. – Черного кофе. Этот их гуслат будет, пожалуй, покрепче виски.

ОНИ направились было в хижину, но тут Сскиру, осознавший необходимость решительных действий, тяжело повалился не землю. Первоначально он рассчитывал приземлиться на сухой площадке перед дверью, но в последний момент потерял равновесие и со всего размаху шлепнулся лицом в грязь. Какие муки приходилось принимать ради благополучия родной планеты! И ради Ларган.

– Гы-ы-ы, – произнес он, приподнимая голову над грязью, чтобы земляне могли увидеть пену, выступившую у него не губах. – Ии-и-игы-ы-ы...

Рауль схватил Сирила за руку.

– Что это с ним?

– Полагаю, обычный эпилептический припадок. Продолжай, старина, – обратился он к Сскиру. – У тебя это замечательно получается. Высший класс!

– Я вижу небо! – начал завывать Сскиру, опасаясь, как бы грязь совсем не засосала его прежде, чем он успеет закончить свое пророчество, – боги открыли мне глаза! Я вижу в небе множество кораблей. Все они направляются к Снаддре...

– ... бьюсь об заклад, везут множество антропологов и еще больше шоколада, – пробормотал Сирил.

– Тс-с-с, – негодуяще зашипел Рауль. – Не вмешивайтесь. Он установил личный контакт со сверхъестественным. Это важнейший элемент первобытного этноса.

– Спасибо, – сказал Сирил. – Постараюсь запомнить на будущее.

«И я тоже», – подумал Сскиру.

– Они везут еду и ученых людей для бедного народа Снаддры, обессилевшего от физического и духовного голода, – быстро продолжил Сскиру. – Они везут одежду для нищего и оборванного народа Снаддры. Они везут картофель для вороватого и опустившегося народа Снаддры.

– Картофель! – воскликнул Рауль. – Господи, картофель!

– Тс-с-с, это начинает становиться интересным. Продолжай, попрошайка!

Но Сскиру уже решил, что на сегодня с него хватит. Продолжение припадка может и подождать до более удобного часа и более сухого места.

– Где я? – спросил он, тщательно пробуя подняться на ноги.

– Вы находитесь на Снаддре, пятой планете системы Вибла, – начал Рауль, – в...

– Уибла, – поправил Сскиру, которому пожилой антрополог помог встать. – Что со мной было? – спросил он. – Я ощущаю ужасную слабость.

– Заходи и выпей с нами кофе, – любезно предложил Сирил.

Такой поворот дела тоже был предусмотрен планом Сскиру, которому совсем не хотелось и обратно плестись по грязи, когда можно было воспользоваться удобным подземным ходом. Конечно, ему придется попридержаться язык, чтобы микрофоны не записали ничего лишнего. Ббулас, разумеется, не похвалит его за визит к землякам, но к чему он сможет придраться, если Сскиру будет мол-

чать, как рыба? Пусть на Снаддре и восторжествовала теократия, демократическое похмелье все еще давало о себе знать.

– Я бы предпочел немного горячего шоколада, – сказал Сскиру. – Если, конечно, вам не зазорно пить с нищим.

– Мой дорогой друг, – одной рукой Сирил обнял Сскиру за скользкие от грязи плечи, – мы, этнографы, не признаем кастовых различий. Входи и пей свой шоколад.

Однако прошел не один десяток минут, и была выпита не одна чашка горячего шоколада, прежде чем он нашел силы встать на ноги и попрощаться.

Сскиру убедительно хлопнул дверью, но, вместо того, чтобы выйти на улицу, бесшумно скользнул в подземный ход, связывающий хижину с городом. Спускаясь, он немного оцарапался о стены.

В зале заседаний собралось все население планеты – приближался дележ добычи, захваченной у землян.

– Где это ты пропал, Сскиру? – спросил Ббулас, подозрительно рассматривая банку консервов. – Наверняка, замышлял очередную глупость,

– О, мой бедный Сскиру! – воскликнула Ларган прежде, чем Сскиру успел ответить. – Какой ты грязный и оборванный! Мне перестает нравиться эта затея, – сказала она Ббуласу. – Это жестоко. И, к тому же, быть верховной жрицей не так забавно, как я думала.

– Это вовсе никакая не забава, – холодно разъяснил ей Дилетант. – Все это очень серьезно. Однако, раз уж об этом зашла речь, – что это с тобой стряслось, Сскиру?

– Я... э-э-э, упал в грязь. А у нищих, как всем известно, не бывает сменной одежды,

– От этого не умирают, – безразлично произнес Ббулас.
– Насколько мне известно, на Земле люди только и знают, что падают в грязь. Может быть, тебе это даже пойдет на пользу.

Ларган открыла было рот, намереваясь что-то сказать, как вдруг у входа в зал заседаний, в том месте, где начался потайной ход на поверхность планеты, раздался тяжелый глухой шлепок и крик боли. Вернее, два крика. И два шлепка.

– Клянусь честью! – воскликнул голос на земном языке,

– Как только здесь спустился нищий! У меня, кажется, не осталось ни одной целой косточки.

– Я думаю, он просто более способный левитатор, чем мы с тобой, вот и все. Ладно, старина, вставай, – все твои кости на месте. Так, пара синяков...

В ЗАЛ заседаний вошел Сирил в сопровождении прихрамывающего Рауля.

– Добрый вечер, дамы и господа! Смею вас заверить, что наш визит не имеет ничего общего с насильственным вторжением, хотя вы, конечно, скажете, что мы нарушили уйму всяческих табу.

– Ты! – завопил Ббулас, повернувшись к Сскиру. – Ты полез в подземный ход! Ты привел их за собой!

И, потеряв самообладание, он волчком закружился по комнате.

– Нет, вы только посмотрите! – воскликнул Рауль, озираясь вокруг. – Чтобы построить такие хоромы под землей, – вернее, под грязью, – нужна техника, которая нам,

землянам, и не снилась. Да мы перед ними просто младенцы, по крайней мере, в области гидравлической инженерии.

– Вы слишком добры, – сказал бывший Главный Гидравлик планеты, скромно потупив глаза. – На самом деле, это не так сложно.

– Никакая это не первобытная цивилизация, Рауль, – сказал Сирил. – Они нам ее просто разыграли по учебным фильмам. Конечно, они безнадежно провинциальны, но...

– Мы не провинциалы, – оборвала его Ларган ледяным голосом. – Дикари, – может быть, но не провинциалы. Мы... мы...

– Но с чего бы им ломать перед нами комедию? – недоумевал Рауль.

– Скорее всего, им хотелось, чтобы на Снаддре прошел новый торговый путь, как это случилось с Неметой. Ты заметил, что они все время избегали произносить это название? Представляю, как им было это нелегко! – тут Сирил обратился ко всем собравшимся в зале снаддриянам. – Вам всем должно быть стыдно! Это была неудачная шутка.

От постоянного вращения вокруг своей оси на лице Ббуласа все явственнее выступала белизна.

– Это все ты! – снова закричал он на Сскиру, останавливаясь, чтобы перевести дух. – Ты во всем виноват! Ты один!

«И это сушая правда», – подумал Сскиру. Его антенны начали произвольно подергиваться, но он и не подумал сдержать надвигающийся спазм. Изю всех сил он старался ради общего блага, но в результате только навредил пла-

нете больше, чем смог бы навредить Ббулас за всю свою жизнь. Из-за глупой неосторожности он разрушил все надежды и чаяния своего народа на процветание в будущем! Вместо того, чтобы стать спасителем планеты, он, Сскиру, погубил ее! Он не выдержал и принялся псонкировать, как сумасшедший,

Но Ларган была уже рядом с ним.

– Не надо! – прошептала она. – Как бы то ни было, теперь все кончено, И знаешь, я даже рада, что у нас ничего не вышло. Лучше уж я умру с голоду такой, какая есть, чем буду всю жизнь мучиться от сознания собственного ничтожества.

– Подумать только, – жалобно воскликнул Рауль, – что все это время они пользовались нормальными санузлами.

– Именно так оно и было, – суровым тоном произнес Сирил. – А мы там, наверху, страдали ни за что ни про что.

– Ну и народец! – сказал Рауль. – Готов поклясться, что настоящие дикари никогда бы не допустили ничего подобного.

Сирил усмехнулся, но взгляд его оставался жестким. – Утром мы свяжемся с Гамбреллой, чтобы за нами выслали корабль, – произнес он, обращаясь к снаддрианам. – Судя по всему, у нас имеются все основания подать на вас в суд за мошенничество.

– Мы пропали! – завопил Ббулас, эмоциональные фильтры которого не могли больше выносить напряжения минуты. – Межгалактический суд сотрет планету в порошок!

В ответ на его крик из глубины зала донеслись горест-

ные завывания снаддриан, антенны которых бешено псонкировали, а глаза повылазили из орбит, по крайней мере, на полметра.

С ПОРАЖЕННОГО внезапным приступом отчаяния Ббуласа в один миг сошла вся его земная сдержанность и, отдавшись на волю бурных снаддрианских страстей, он перевернулся с ног на голову. Все остальные снаддриане, которым больше незачем было скрывать естественные проявления своих чувств, последовали примеру своего бывшего предводителя, завывая и дергая антеннами.

И тут, к огромному удивлению Сскиру, да и всех остальных тоже, Сирил, который уже направлялся к выходу, вдруг остановился, как вкопанный, и поспешно вытащил из кармана свой блокнот. Рауль немедленно сделал то же самое.

Все четыре земных глаза вдруг загорелись тем странным огнем, в котором любая разумная раса, имеющая хотя бы отдаленное понятие о том, что такое глаза, распознала бы неумную любознательность.

– Погодите минутку! Мы передумали. Так уж и быть, мы остаемся.

Один за другим снаддриане начали возвращаться в нормальное стоячее положение, но их глаза так и остались выпученными – слишком уж быстро горе сменилось изумлением. Что касается Сскиру, то он теперь знал, что именно насторожило его в землянах с самого начала. Он теперь знал: земляне были безнадежно помешанными. А кто же еще, кроме абсолютно невменяемых маньяков, согласится

добровольно покинуть свою теплую, сухую планету и отправиться скитаться по звездам в поисках иных цивилизации, вместо того, чтобы наслаждаться домашним уютом и теплом семейного очага?

Скиру нащупал руку Ларган и взял ее в свою.

Г. ГАРРИСОН
СПЕЦИАЛИСТ ПО ЭТИКЕ
Рис. И. КОЖЕНИКОВА

Я верю в правду. Я не один - у меня есть последователи. Мы долго выслеживали вас, и теперь смерть смет ваши грехи!

Майках, вы прямо специалист по эпике. Но я не преступник! Я могу доказать, что вы не правы, при помощи ваших же священных книг!

Вы знаете наши книги? Вы знакомы и с трудами Лалла?

Конечно. Ого! Книга в металлическом переплете.

Что вы делаете! Вы убили НАС ОБОИХ!

Вот мой факт! Мое неопровержимое, с золотой отделкой, доказательство! Мы никогда не попадем на Кассию!

Вы разбили контроль джампрежима. Ни один из контрольных приборов не работает. Мы можем лететь только в обычном пространстве и то вслепую.

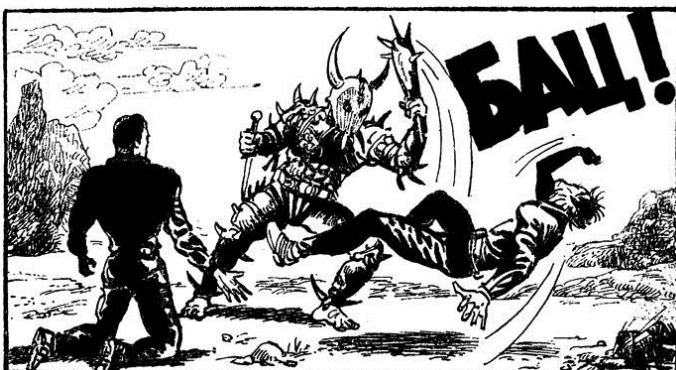

Майках решил посадить корабль на ближайшей планете, но не сумел предотвратить катастрофу.

Кажется, при падении я потерял сознание. Вы спасли мне жизнь, Майках, спасибо!

Наконец вы... вы очнулись, Язон... Я не могу... держать вас... плывите сами.

А ну-ка, получите бензиновую гранату!

ШВАРК!

Полезайте наверх, а я пойду в машинное отделение.

ТРАХ!

Слава богу! Вырвались! Теперь мы свободны!

Нам еще 6 дней пути до Аппсалы

Черт возьми, кажется, кончилось горючее!

Кародж остановился. Проснувшись утром, Язон обнаружил, что Снарби бежал.

Почему вы спите, Майках? Вы должны были стоять на страже!

Снарби ушел в Аппсалу. Он приведет сюда солдат и обратит нас в рабство. Но кародж ему не достанется, он увидит лишь его обломок!

БУМ!

Хертуг, я уже построил тебе много кароджей и других машин и решил усовершенствовать электрические устройства ваших предков. Я сделал сосуд, который накапливает электричество.

Святотатство!
В священном писании сказано, что святая сила течет лишь тогда, когда есть соединение, если его нет, то нет и священной силы!

Он мертв...
Святая сила собралась в банке, он усомнился в этом - и святая сила покорила его! Наша задача - зрфективней использовать силу электричества во славу Хертуга!

Святая сила может убивать...
Это удивительная новост. Я всегда знал, что она может ударить или обжечь, но о такой возможности и не подозревал. Враги будут трепетать перед нами!

А ведь можно сделать еще очень многое. Я помогу тебе победить всех противников - и ты один будешь править Апсалий. Но за это я вправе требовать свободу и пост твоего личного советника.

Я не забыл, Майхах, как вы предали меня Эдипону. Убежав, я захватил вас с собой, а вы оплатили за мое великодушие, позволив Снарби предать нас Хертугу. Теперешнюю должность я занял без вашей помощи. Пока вы остаетесь рабом, вы не сможете предать меня вновь.

Следовало ожидать этого от вас. Вы - собака, а не цивилизованный человек. Вы - зло, а моя жизнь посвящена борьбе со злом! Беритесь!

Язон все-таки избавил Майхаха от тяжелой участи других рабов, сделав его своей личной прислугой. Но вот однажды под вечер, когда Язон испытывал со своим помощником катапульту...

Что там за шум? Неужели это Троззелинаи?!

Язон врзался в самую гущу врагов, и это ему дорого обошлось

Мы победили. Язон! Клан Трозелингов перестал существовать. Я хотел убить предателя, но подумал, что тебе приятно будет самому замучить его. А если ты умрешь от ран, твои похороны будут самыми пышными.

Шло время, и Язон медленно умирал, но однажды раздался растущий в воздухе рев.

Неужели... корабль? Айджейл, посмотри, кто прилетел, и кто бы ни был, позови сюда...

Айджейл, несмотря на панический страх, охвативший ее, сумела выполнить просьбу Язона.

Мета... Вот-вот, облетающая сорок планет... Что, ранен? Пустяки, я захватила аптечку.

Я успела вовремя, иначе бы ты умер на закате средневековья. Зачем ты взял с собой этого монстра и эту дикарку?

Извини, Мета, но мне дорога эта девушка, и я не хочу бросать ее на произвол судьбы, а этот монстр - фанатик, жертва ложной идеи... мне жалко его... погибнет.

Корабль взял курс на Пирр. Язон размышлял о будущем Айджейл, как вдруг...

Зло не должно остаться безнаказанным. Я захватываю командование кораблем. Приказываю лететь на Кассию!

Язон, вот видишь, к чему ведет излишнее сентиментальничанье.

БАЦ!

КЛЯЙКА!

Он слишком доверялся своим этическим принципам и проиграл наш последний спор.

Борис ЗЕЛЕНСКИЙ

БЕЛОЕ ПЯТНО на КРАСНОМ ФОНЕ

Рис. С. Ашмарина

КОГДА становится совсем невозможу, и Племя не может самостоятельно решить возникшие проблемы, прибегают к помощи Виртуального Брата (ВБ), который до этого обитает только в сознании соплеменников.

Виртуальный Брат появляется в пустыне и telepатически призывает кого-нибудь из страждущих, чтобы донести через него Абсолютный Совет. После выполнения своей миссии Виртуальный Брат возвращается в песчаную скалу, совершенно неотличимую от других песчаных скал.

Страждущий узнает Виртуального Брата по белому плюмажу, украшающему его благородное чело. Старики утверждают, что когда перья из плюмажа падут на песок, Виртуальный Брат перестанет приходить...

Записано со слов Чели Гри, Повторного Вождя в урочище Снежных Дождей, Элизиум, Марс.

Каждое появление ВБ становится для коренных жителей Марса долгожданным праздником. Оно тщательно фиксируется в рукописных свитках и служит

отправной точкой для последующего периода жизни. Хронологию марсиан можно уподобить слоям камбия на срезе дерева, но промежутками между слоями являются не обороты планеты, а приходы ВВ.

*Краткая Марсианская Энциклопедия,
из статьи «Виртуальный Брат, ритуальный обряд аборигенов».*

КЕННЕТ Уильям Дуглас спустился с трапа, отдал ручную поклажу суетливому носильщику из местных, похожему на гигантского богомола, пересек бетонные плиты посадочной площадки, прошел сквозь стеклянную коробку аэровокзала и сел на скоростного жука на воздушной подушке – оптимальное транспортное средство для перемещения по красным пескам четвертой планеты солнечной системы.

В курносой кислородной маске, противопыльных очках и мохнатой шубе до пят землянин выглядел хищным зверем в наморднике. К слову сказать, звери на Марсе не водились. Эволюция остановилась на насекомых. В отличие от людей, которые вели свою родословную от приматов, разумные марсиане происходили от богомолов.

Жук плавно нес седока по улицам марсианской столицы, не снижая скорости на поворотах. В связи с недавно постигшим Марс бедствием – пыльным ураганом небывалой силы, Кеннет прочел об этом в газетах еще до отлета, тротуары были полны беженцев из пострадавших районов. Кто-то тащил коконы с куколками, где-то стихийно образовалась очередь за благотворительной подкормкой, всюду сновали чиновники из службы Общественного Воспо-

моществования. Одним словом, столица напоминала рас-
тревоженный муравейник.

Над головой Дугласа на большой высоте проносились пауки-светильники. Солнечного тепла и света не хватало даже в разгар марсианского дня – сказывалось порядочное расстояние до светила. Архитектура столицы навевала мысли о несхожести цивилизации, волею судеб соседствующих в одной планетной системе. Серые громады усеченных конусов, сложенных из бесчисленного количества шестигранников, напоминали землянину африканские термитники, виденные им в каком-то географическом еженедельнике. Причудливая вязь марсианского алфавита, покрывавшая все без исключения здания, будила ассоциации с извилистыми ходами жучков древооточцев.

Кеннет Уильям Дуглас терпеть не мог насекомых. Будь его воля, перенес бы съезд в какое-нибудь иное место. Впрочем, тогда вряд ли состоялся бы его феноменальный рекорд! Марс, так Марс!

Жук остановился у стеклянной двери гостиницы. На ступеньках маялся носильщик с чемоданом.

«Интересно, каким образом он успел раньше меня?» – подумал Кеннет, слезая с седла. Несколько мелких монеток успокоили аборигена, и он исчез вслед за жуком в лабиринте городских улиц.

ПОРТЬЕ встретил нового клиента традиционным «добро пожаловать» и протянул ключ от номера, который абонировали для Дугласа организаторы съезда. «Вежливые эти какие, козявки!» – непонятно откуда возникшее раздражение захлестнуло землянина, и

он чуть не вывихнул верхнюю конечность портье, выдирая ключ. Не оглядываясь, Кеннет быстрым шагом направился к шахте скоростного лифта. Конечно, при желании рекордсмен мог бы подняться на свой этаж и без помощи данного подъемного сооружения, но Кеннет не желал, чтобы о его возможностях пресса разносила прежде регистрации рекорда секретариатом съезда. Кроме того, он был не в духе и очень устал. Думаете, легко устанавливать мировые достижения?!

Номер ему тоже не понравился, хотя блестящая эмалью раковина на одной из стен свидетельствовала, что это номер «люкс», учитывая, как марсиане дорожили каждой каплей воды. В центре комнаты размещалось монументальное сооружение под покрывалом, в котором с большим трудом можно было узнать место для сна. Марсиане, видимо, считали, что жители Земли большую часть времени проводят в горизонтальном положении. В изголовье чудовищного инструмента для производства ночного отдыха притаился старинный аппарат для акустической связи. На Земле подобному анахронизму самое место в музее, но на Красной планете система видеосвязи не получила достаточного распространения.

Кеннет сбросил шубу на пол, снял маску, из бокового отделения чемодана извлек портативные напольные весы – рекордсмен должен всегда знать свой вес. Стрелка привычно замерла на 180 фунтах.

Вот теперь можно и отдохнуть. Дуглас очень устал и от рекорда, и от нервного напряжения, в котором пребывал вплоть до поездки. Кеннет сдернул с постели покрывало и бухнулся в мягкие волны свеженакрахмаленного белья.

Больше всего он желал, чтобы его сейчас никто не беспокоил...

В ЭТОТ момент в дверь постучали.
«Кого это дьявол принес? – подумал землянин недовольно. – Неужели журналисты узнали о моем прибытии? Что-то слишком рано...»

Стук повторился.

«Не буду открывать и все! – решил Дуглас твердо. – Я еще не приехал, меня могли задержать, скажем, на аэровокзале».

Стук слился в непрерывную барабанную дробь. Кому-то во что бы то ни стало требовалось повидать землянина.

«Все равно ведь не отстанут!!» – дошла до него нехитрая истина, и он рывкнул в сторону двери:

– Сейчас!

Рекордсмен сосредоточился. Для этого ему пришлось даже закрыть глаза. Когда он открыл их снова, перед ним зиял бездонной чернотой зрачок плазмострела – оружия архаичного, но способного превратить в пепел любую органику. Кеннет ни секунды не сомневался, что плазмострел заряжен.

– Попался, Хитрый и Стремительный! Я все-таки настиг тебя! – завопил владелец плазмострела, вихляясь вокруг ложа в экзотическом танце. На марсианине были просторные одежды в пурпурную клетку. Кеннет вспомнил, что такой танец и такая одежда прежде всего говорят о высоком ранге данного представителя Племена. Вполне возможно, посетитель носил звание Почетного Вождя.

– В чем дело, э... – землянин не мог вспомнить подхо-

дящий к случаю марсианской формулы вежливого обращения.

– В чем дело? В чем дело?! – передразнил непрошенный гость, довольно похоже имитируя голос Дугласа. – Я Таки Эта, Оседлый Магистр обходного канала номер шестьдесят пять. Тебе, гнусный пожиратель молока, о чем-нибудь это говорит?

КЕННЕТ У. Дуглас не любил, когда с ним вели беседу в подобном тоне. Не будь плазмострела, он нашел бы способ утихомирить наглеца. Но, посмотрев марсианину в глаза, составленные из множества фасеток, в каждой из которых отражалось искаженное изображение лежащего на кровати человека, Дуглас понял, что разумный богомол, не раздумывая, пустит в ход свое оружие. Оставалось одно – терпеливо ждать, пока недоразумение будет выяснено. То, что это недоразумение, Кеннет не сомневался ни секунды. Его явно принимали за кого-то другого, хотя... возможно, к этому имеет отношение его мировой рекорд...

– Оседлый Магистр? – Дуглас пожал плечами. – Честно говоря, я плохо разбираюсь в иерархии Племени...

– Нет! – возразил Магистр. – Главнее в моем вопросе не титул, а место – обводной канал номер шестьдесят пять!

«Белое пятно на красном фоне! Вот оно что. Не может быть!» Дуглас посмотрел в отверстие, откуда каждую секунду может выплеснуться раскаленное до звездных температур облачко, и пытался ответить себе на один вопрос, один-единственный, но от которого зависела его судьба:

сумеет ли его тело среагировать и увернуться своими феноменальными способностями?

Выходило: так на так. Пятьдесят процентов благополучного исхода, да и то только в том случае, если нервная система полностью восстановилась после мирового рекорда. Подобная перспектива ему не улыбалась.

– Обводной канал номер шестьдесят пять – это название местности? – переспросил человек с тем, чтобы протянуть время. Может статься, портье придёт вдруг в голову навестить недавно прибывшего постояльца?! Это можно устроить – однонаправленный телепатический сигнал тревоги. Внезапно портье почувствует, что его что-то беспокоит какая-то беспричинная тоска, связанная с бесцеремонным землянином, но все же землянином. Он поднимается...

– Ты угадал, клянусь ганглиями! Обводной канал номер шестьдесят пять – это название местности, хорошо знакомой тебе, местности, вонючий живодер!

– Вы что-то путаете, милейший, я никогда прежде не бывал на вашей родине!

– Обводной канал номер шестьдесят пять – место, откуда я принял зов Виртуального Брата. Это было трое суток назад. Чудовищный ураган нанес большой урон племени, и Виртуальный Брат появился и позвал страждущих, чтобы передать Абсолютный Совет. Я поспешил, но опоздал. Ты успел убить Виртуального Брата!

– Боже милостивый, что за чушь! Всего час назад я прибыл с Земли на рейсовом лайнере «Принцесса тумана». Вы можете навести справки в регистрации аэровокзала. Моя фамилия Дуглас. Кеннет Уильям Дуглас, маклер по-

среднической конторы «Мак-Грегор, Дункем и Дуглас». Ворд-хаус, Мейсип-стрит, 47, Оттава, Земля.

– Меня не интересуют твои идентификаторы. Вы, земляне, усложняете собственную жизнь никому не нужными символами. Я знаю, ты убил Виртуального Брата. Племя не получило очень важного для него Абсолютного Совета. Ты заплатишь за свое преступление жизнью!

ДУГЛАСА перестала забавлять настойчивость нежданного визитера. Он понял, что это серьезнее, нежели он себе представлял в начале. Сейчас ему было не до смеха.

– Почему вы решили, что именно я убил вашего Виртуального Брата? Примите мои искренние сожаления, но никто не может быть полностью уверен в том, чего не видел собственными глазами!

– Я видел собственными глазами бездыханное тело без плюмажа на голове! – взвизгнул марсианин.

– Но вы не видели, кто сделал его бездыханным! – парировал землянин.

– Но у меня есть кое-что в запасе! – злорадно заявил Магистр, достал из складок своего одеяния увесистый сверток и швырнул его на пол. От удара сверток раскрылся, и на потолке вспыхнули зеленые кольца вокруг зыбкого силуэта.

– Что это? – спросил землянин, но тут же понял, что это было. Прежде маклеру из Оттавы не доводилось видеть интерференционные следы на потолке.

– Главная улика. Отраженный след башмака, взятый мною с отпечатка рядом с телом Виртуального Брата. Брат

никогда не превратится в скалу и никогда не раскроет тайны Абсолютного Совета, – в голосе марсианина слышалась неземная тоска.

ГОСПОДИ, да поймите же вы, наконец, мистер Осёдлый или Как-вас-там-кличут, меня не было на Марсе трое суток назад и двое суток назад и сутки назад!

В это время я летел рейсом Земля-Марс и находился от Обводного канала номер шестьдесят пять и от любой другой точки вашей планеты на расстоянии двадцати миллионов миль. Я престо физически не мог оставить след на песке планеты, от которой был так далеко. Мое присутствие на «Принцессе тумана» могут подтвердить члены экипажа и, по меньшей мере, человек десять пассажиров, с которыми я познакомился во время полета!

– Примерь лучше след, убийца!

Дуглас вдруг отчетливо припомнил, что в марсианской юриспруденции начисто отсутствует принцип презумпции невиновности. Племя не подозревает, не тратит сил на сбор доказательств, оно точно знает, кто совершил преступление. У тех, кто вершит правосудие, есть дар постижения вины – так называемое *ойтлихе*. Но, черт побери, этот дар относится только к преступникам марсианам!

– Я протестую! Даже если след, оставленный убийцей, совпадает с моим, – это не доказательство...

– Примеряй! Или я выпущу плазму на волю! – перебил Таки Эта с подчеркнутой угрозой в голосе.

«Неужели я до сих пор не восстановился! – подумал Кеннет. – Портье и не собирается идти на помощь!»

Человеку ничего не оставалось другого, как подчиниться требованию местного террориста.

Он встал с постели и поставил босую ступню в отраженный след. Кольца на потолке дернулись, задрожали, но вернулись в первоначальное положение. Даже дилетант мог судить, что следы идентичны. *Ойтлико* не подвело мстителя – дар постижения вины привел его к цели.

– Ну, что я говорил? – усмехнулся марсианин. – Ты изобличен!

Дуглас побледнел. До чего ему хотелось исчезнуть из номера, но его удерживали проклятые 50 процентов неблагоприятного исхода! Нет, лучше побережь исчезновение, когда все прочие аргументы будут исчерпаны.

– Все-таки я настаиваю, чтобы вы связались с бюро регистрации! Запросите время прибытия «Принцессы тумана» и проверьте по списку пассажиров мою фамилию! Если не верите моим словам, возможно, вас убедят документы! Разрешите воспользоваться телефоном?

– Нет! – покачал головой Таки Эта. – Я не знаю как, но вы, земляне, всегда можете обманут чистосердечного марсианина, Я сам свяжусь с астровокзалом.

Вот он, шанс! Кеннет внутренне собрался. Сейчас, когда этот недоносок ослабит внимание, можно будет попытаться незаметно улизнуть. Для рекордсмена это пустяки. Пусть только положит плазмострел...

СЛОВНО прочитав мысли подозреваемого, Таки Эта крепче сжал оружие. Он набрал свободной рукой номер телефона, и когда его соединили с абонентом, заговорил измененным голосом:

– Извините великодушно, милочка! Скажите, «Принцесса тумана» уже приземлилась? Что вы говорите! И давно? Моя компания «Песчаные яхты на любой вкус» получила предварительные заказы от пассажиров, но они до сих пор не востребованы... Фамилии пассажиров Альвин, Скотт и Дуглас... Ах, так! Только один из них? И где остановился?.. большое спасибо, конечно, я найду на них управу! До свидания.

«Марсиашка оказался хитрее, чем я предполагал, – подумал Кеннет. – Если мой труп обнаружат в отеле, вряд ли свяжут убийство с каким-то Оседлым Магистром. Полиция определенно станет искать владельца компании, предоставляющей туристам парусные лодки для экскурсий по каналу...»

Дуглас ошибся дважды. Во-первых, после действия плазмотрона никаких трупов не остается, во-вторых, в марсианской полиции служили особи, обладающие даром *ойтлик*.

– Ты сказал правду, землянин! Но как же объяснить совпадение следов?

– Это очень просто! – быстро заговорил Кеннет, боясь, что не успеет высказаться до конца. – Мы, земляне, на своей планете носим стандартную обувь, если длина стопы одинакова, и поэтому у нас одинаково деформируется подошва. У многих людей одна и та же группа крови. Реже, но могут совпадать даже такие параметры, как звук шагов, манера походки и запах пота... Если бы у всех были разные следы, не нужно было бы держать полицию. У землян, не знаю, как у вас, здешних, могут быть одинаковые отпечатки пальцев и ступней. Вероятно, мне неудобно

говорить об этом, но Виртуального Брата убил кто-то из моих земляков, но я тут ни при чем!

– Ну нет, – сказал Магистр, но в его голосе не хватало прежней убежденности. – Разве тебя не удивляет, что я нашел человека с нужным мне отпечатком здесь, в отеле? Пришел с улицы и сразу наткнулся на того, кто мне нужен?

– Не удивляет! – отрезал Кеннет. – Насколько я знаю этнограф Марса, некоторые из вас способны улавливать телепатические сигналы Виртуального Брата. Рискну даже предположить, что именно те, у кого имеется *ойтлике*. Немудрено, что истинный убийца дал твоему *ойтлике* направление на отель и привел в мой номер. Значит, эту комнату мог снимать до меня землянин, который совершил это преступление. Конечно, я понимаю, слишком много совпадений... но это так!

– Идя к тебе, я предвидел, что доказать вину землянина то же самое, что ловить голыми руками скользких червей на дне песчаного канала. К счастью, есть испытанный способ...

ЧЕЛОВЕКА бросило в жар. Белое пятно на красном фоне! Это видение оказалось сильнее всяких трюизмов и уловок изошренного мозга Дугласа. «Я сопротивлялся Зову, но пошел, и в результате – мировой рекорд! Но рекорд следовало подтвердить материальными доказательствами. Вокруг на много миль был красный песок. Красный с рыжим оттенком, как запекшаяся кровь. Я не мог долго задерживаться, без кислородной маски у меня в запасе было лишь несколько секунд. Вдруг

на сетчатке возникло белое пятно... Глаза не успели адаптироваться к здешнему коэффициенту преломления... Я протянул руку...»

Марсианин продолжал:

– Я пришел в столицу только через три дня. Тебе интересно знать, где я провел это время?

– Какое мне дело до вашего времяпровождения?

– И все-таки. Я искал тропу к дереву Ксиги.

– К дереву Ксиги?! – вырвалось у Кеннета.

– Значит, ты слышал про него раньше, – удовлетворенно отметил Оседлый Магистр. – Ах да, все земляне помешались на долголетию!

И он загундосил, подражал телевизионному агентству:

– Каждому хочется продлить свою драгоценную жизнь вдвое, и я знаю рецепт. Слушайте внимательно, марсианский орех дерева Ксиги! Он дает вам шанс совершить повторную попытку! Для этого требуется съесть один белый орех дерева Ксиги, только один белый орех! И ваш организм станет как новенький доллар! Но ни в коем случае не перепутайте, черный орех дерева Ксиги не имеет противоядия!

Он запустил верхнюю конечность в бездонные глубины своей хламиды и вытащил два сморщенных плода одного цвета. Коричневого.

– Один из этих орехов съешь ты, другой – я. Виновный обязательно будет наказан провидением. Если Виртуального Брата убил ты, черный достанется тебе, если ты невиновен, значит, виновен я, подозревая и намереваясь сжечь непричастного к преступлению человека, следовательно, черный орех дерева Ксиги выберет мой желудок!

– Позвольте, но какой из двоих – белый орех долголетия?

– Это определит исход нашей дуэли после того, как мы проглотим орехи. Я специально обмакнул оба в патоку, сваренную из листьев дерева Ксиги. Выбирай любой!

Дуглас окинул оценивающим, взглядом фигуру Магистра, словно только что увидел его. Больше всего марсианин походил на складной плотницкий метр, обмотанный тряпьем и увенчанный треугольной головой, в выпуклых глазах которой неугасимо пылал огонь мести. Весу в нем на глаз было не больше шестидесяти фунтов. Эх, кабы не плазмострел...

– Отказ от испытаний высшей справедливости трактую как признание в совершении убийства! – подталкивал землянина голос Таки Эта. – Я жду!

Дуглас вспомнил термитники в географическом журнале. Насекомые, верящие в принцип высшей справедливости. Нонсенс! Помнится, в этом журнале его внимание привлекла еще одна заметка. О колдовской магии, которую практикуют до сих пор в джунглях Центральной Африки. Когда в селении у кого-нибудь пропадет корова, колдун выстраивает все племя в ряд и каждому дает попробовать безвредный порошок, утверждая, что это – страшный яд, который обладает избирательной силой отравлять только вора!

Дуглас взял ближайший орех. Ему было всё равно, какого цвета он под слоем патоки. Дуглас принял решение. Оно было простым, как выбор между жизнью и смертью. Конечно, лучше, если достанется белый, но в принципе это не имело значения.

Он покатал орех на ладони и бросил его в рот. Торопясь, пока не растаяла патока под действием слюны, он сделал глотательное движение, что не ускользнуло от внимательного взгляда Оседлого Магистра. Верный своему слову, марсианин запрокинул башку и вложил оставшийся орех в ротовое отверстие.

Несколько мгновений антагонисты смотрели друг другу в глаза. Затем Таки Эта прохрипел что-то по-марсиански, сложился пополам и рухнул на пол.

Кеннет стер испарину со лба, переступил через труп марсианина, подошел к раковине и открыл кран. Тоненькая струйка воды полилась на орех, проглоченный человеком, телепортированный из пищевода на дно раковины. Вода смыла патоку. Орех дерева Ксиги был черного цвета.

Кеннет скривил тонкие губы. Получилось!

Марсианина погубила вера в абстрактную справедливость. Негр-вор, укравший у соседа корову, безгранично доверяет колдуну, впрочем, как и его частные собратья. Поэтому он и умирает, искренне испытывает боль от «яда». Но Кеннет Уильям Дуглас не был суеверным человеком, как не был беспечным гулякой-туристом, приехавшим посниматься на фоне пылевых бурь и загадочного течения песчаных рек. Кеннет Уильям Дуглас прибыл на четвертую планету солнечной системы в качестве делегата съезда телекинетистов и телепортаторов.

Хороший кинетист, как известно, способен передвигать предметы весом до двадцати фунтов на расстояние до одной мили. Мысленно, разумеется, передвигать.

Очень хороший кинетист забавлялся с предметами потяжелее на порядок и с расстояниями протяженнее мили.

Дуглас был не просто очень хорошим кинетистом, а отличным. Что стоило ему мгновенно переместить орех на какие-нибудь шесть-семь футов, которые отделяли его тело от умывальной раковины?!

Кроме дара телекинеза, маклер из Оттавы обладал феноменальными достижениями в области телепортации. Три дня назад он установил выдающийся рекорд дальности по переносу собственного тела. Этот рекорд будет утвержден на съезде после формальной процедуры предъявления доказательств.

Дуглас подошел к чемодану и откинул крышку. Поверх китайского халата из алого шелка лежал белоснежный плюмаж. Три дня назад он смотрелся значительно бледнее на фоне барханов коричневого цвета. Ни один человек в мире не обладает подобным трофеем. Кто виноват, что Виртуальный Браг не пожелал добровольно расстаться со своим украшением на скальпе?! Но разве его жалких пятьдесят фунтов устоят против ста восьмидесяти переизданных силой мысли за двадцать миллионов миль и обуреваемой жадой добыть доказательства этому небывалому событию?!

Особенности марсианской хронологии, отсчитывающей каждый новый цикл от времени явления очередного Виртуального Брата, лучше всяких слов засвидетельствуют, что Кеннет Дуглас побывал на Марсе три дня назад, находясь в то же время в своей каюте первого класса на «Принцессе тумана»...

Землянин посмотрел на труп Таки Эта, бывшего Оседлого Магистра обводного канала номер шестьдесят пять. Оставим магию на долю богомоллов и черномазых. Кеннет

Уильям Дуглас терпеть не мог не только насекомых. Людей с цветом кожи темнее, чем у него, он тоже не любил. Феноменальный рекордсмен поднял плазмострел и предал останки марсианина плазме...

Потом он подумал о черном орехе дерева Ксиги. Как это кстати! Пусть только кто-нибудь из делегатов попробует усомниться в праве рекордсмена на председательское кресло! У Кеннета У. Дугласа хватит силы мысли, чтобы послать этот черный дар судьбы без пересадки прямо в желудок сомневающемуся! А когда он станет председателем, наступит время подумать о наведении порядка в собственном доме, на Земле, где белым стало тесно от засилья черных, желтых и красных! «Боже, почему ты раздаешь бесценный дар паранормальных способностей так несправедливо?! Какие-то ниггеры и я – Кеннет Уильям Дуглас-Первый!!!»

Природа щедро наградила Дугласа, но одного ему не дала. Он не был ясновидцем и не знал, что в этот самый момент к нему в номер поднимается дублер Таки Эта. В отличие от предшественника, дублер прекрасно изучил нравы землян, подобных маклеру из Оттавы, где работал носильщиком при аэровокзале. В руках он держал плазмострел и передвигался при помощи телепортации. Он меньше всего полагался на веру в предвидение, хотя его *ойтлике* было не слабее, чем у Оседлого Магистра. Он больше полагался на плазмострел и собственные глаза, которые сумели разглядеть под крышкой чемодана белый плюмаж...

Племя не могло оставить преступление без наказания – перед гибелью Виртуальный Брат оповестил всех страждущих и дал Абсолютный Совет, как покарать убийцу...

„Глухое“ дело

ЗАМЕТКИ КРИМИНАЛИСТА

ИНЖЕНЕР-конструктор Нина Черенкова возвращалась с работы домой. Вечерело, мела февральская поземка. Внезапно она зашаталась и упала ничком в снег. Поблизости оказалось только двое прохожих: шагах в тридцати позади нее шел молодой мужчина, а навстречу женщина. Когда она подбежала, девушка была без сознания. Ее внесли в дом, вызвали по телефону «скорую помощь». Но через несколько минут, даже не придя в сознание, она умерла.

Что же произошло? Судебно-медицинский эксперт Трунов пришел к выводу, что потерпевшая убита ударом шила в спину. Но кто нанес ей этот удар? И был ли этот удар шилом, если двое заслуживающих доверия очевидцев гибели девушки никого в этот момент поблизости от нее не видели?

Следователь Локтев вызвал на допрос людей, которые видели, как погибла Нина Черенкова. Пожилая женщина, сильно волнуясь, и повторяя одно и то же по нескольку раз, рассказала:

— Около шести часов вечера я оделась потеплее и пошла в булочную. Она совсем рядом, через дорогу от дома. Купила полбуханки ржаного «бородинского» хлеба и батон, потом зашла в молочный. От двух литровых бутылок молока сумка отяжелела. И хотя пройти до дома мне оста-

валось шагов пятьдесят, я устала и шла медленно. Смотрю: навстречу мне идет девушка, быстро так шагает, легко. Вот, думаю, и я когда-то так порхала, а теперь... Когда девушка поравнялась с электрической будкой, где трансформатор установлен, то почему-то на миг задержалась. А потом опять пошла, но уже медленнее. Вдруг она, сердечная, зашаталась и ничком в сугроб сунулась. Ну, смекаю, плохо стало человеку, не иначе, сердце прихватило, бросила я сумку и к ней. Спрашиваю: «Что с тобой, доченька?» А она не отвечает, стонет только, жалобно так. Тут и парень подбежал...

– Какой парень? – уточнил Локтев.

– А тот, что далеко позади нее шел. Мы вместе подняли ее под руки и спрашиваем: «Где живешь?». А она глаза приоткрыла и на дом № 16 смотрит. Разыскали квартиру, дверь мамаша открыла. Ну, мы втащили девушку, помогли уложить. Парень к телефонной будке вызывать «скорую» побежал.

Локтев записал рассказ Марии Петровны и про себя вздохнул. Ничего пока не ясно. Запутанная получилась история.

Через полчаса в кабинет вошел второй свидетель – светловолосый молодой человек с мягкими чертами лица.

– Моя фамилия Майцев, Федор Михайлович, – представился он. – Я живу от Черенковых через двор. Вчера вернулся с работы часов около пяти. Пообедал. Хотел закурить, но «Беломора» дома не оказалось. Для курильщика, сами понимаете, охота пуще неволи. Накинул я пальто и вышел на улицу. Газетный киоск, где часто бывают папиросы, у трамвайной остановки. Когда я поравнялся с

киоском, к остановке подошел трамвай и из него вышла симпатичная девушка. Я узнал Нину Черенкову.

– Вы ее хорошо знали?

– Нет, только в лицо. Я по этому адресу живу недавно, но, не скрою, хотел с ней познакомиться. Я ее часто встречал на нашей улице. Она мне приглянулась, – признался Майцев. – Ну, купил «Беломора» и – обратно домой. Нина за это время ушла метров на сто вперед. Быстро шагала. Повернула на нашу улицу и пошла по протоптанной тропинке. Когда я тоже свернул туда, она вдруг остановилась, потом прошла еще немного... Стыдно вспомнить, но когда она упала в снег, я подумал: «Вот случай с красивой девушкой познакомиться!». Тут я увидел, что навстречу бежит какая-то женщина. Она даже быстрее меня оказалась возле Нины... Остальное вы знаете.

– Не заметили ли вы кого-нибудь рядом с Черенковой? – все еще надеясь на удачу, спросил Локтев.

– Нет, что вы! Никого больше вокруг не было. – Майцев для убедительности даже головой замотал. – Я бы обязательно увидел. У меня зрение стопроцентное.

Локтев еще больше расстроился: «Ну и загадка!».

Он побеседовал о случившемся с участковым Фокиным. Потом оба еще раз побывали на месте происшествия. Выяснили, с кем была знакома Черенкова, деликатно расспросили ее родителей. Были допрошены соседи и даже кондуктор трамвая, в котором за несколько минут до гибели Нина ехала домой.

Не причастен ли к убийству Черенковой ее жених Андрей Бесленко? Или один из очевидцев – Федор Майцев?

Локтев составил постановление о повторном судебно-

медицинском исследовании трупа потерпевшей. Нужно было удостовериться, что орудие убийства – действительно шило. Ведь мог же эксперт ошибиться, исследуя раневой канал! Случай редкий, но ввиду резкого противоречия показаниям очевидцев, его нельзя было исключить.

Шел третий день после смерти Нины. Судебно-медицинский эксперт Гасилова, надев халат, прошла в секционную, где на белом мраморе больничного стола лежало тело погибшей девушки, В это время следом вошел Локтев.

– Хорошо, что вы пришли! Я сейчас начинаю исследование. Значит, девушку убили ударом шила в спину?

– Да, ваш коллега Трунов пришел к такому выводу, и мы настойчиво работали по этой версии, – ответил следователь, – но никак не сходятся концы с концами. Вот я и назначил повторную экспертизу, чтобы рассеять сомнения.

– Конечно, от ошибки никто не застрахован...

Локтев и Вера Анатольевна приступили к работе. А примерно через полчаса Локтев услышал ее удивленное восклицание. Потом она позвала: – Подойдите поближе! Кажется, Иван Петрович поторопился с выводом. – Она осторожно извлекла из-под диафрагмы какой-то маленький темный предмет и, положив его на чистый лист плотной бумаги, сказала:

– Девушка убита выстрелом из огнестрельного оружия в спину. Вот пуля. Скрикошетив от ребра, она пробила легкое, сердечную сумку и каким-то образом попала аж вон куда – под диафрагму. Раневой канал, поглядите, очень похож на удар шилом.

ЛОКТЕВ был обрадован и огорчен одновременно. Стало совершенно ясно, что предыдущая работа проделана почти впустую...

Прошло еще четыре напряженных дня. Следователь допросил десятки людей, произвел необходимые проверки, однако, к цели не продвинулся ни на шаг. Убийство Нины Черенковой оставалось нераскрытым.

Помощь пришла неожиданно, В комнату дежурного по райотделу милиции вошли трое парней. Один из них молча положил, на стол малокалиберную винтовку, именуемую в просторечье «тозовкой».

– Откуда она? – поинтересовался дежурный.

– Понимаете, мы ее сегодня нашли под мостиком, который перекинут через ручей, – сказал принесший винтовку. – Вчера вечером я возвращался домой. Смотрю, впереди меня человек спустился под мостик и как будто что-то там спрятал. Видел я его издали и опознать вряд ли смогу. Я об этом товарищам своим рассказал – Тишечкину и Рыжову. Вот они, со мной пришли. Решили вместе посмотреть, что он там под мостик засунул. Я, Степанин моя фамилия, залез туда. А между бревнами что-то длинное, завернутое в мешковину, виднеется. Развернули, глядим – винтовка. Вот те на! Судили, рядили, что с ней делать, а потом Виктору, – он кивнул головой на Тишечкина – подумалось: ведь девушку из шестнадцатого дома могли из этой винтовки застрелить. Не поможем ли убийцу найти?..

В тот же день винтовку и пулю доставили для исследования эксперту. На пуле, которую Гасилова извлекла из тела погибшей девушки, отобразились следы от нарезок канала ствола. Эксперт произвел контрольные выстрелы,

сравнил следы на пулях – они совпали до мельчайших подробностей. Это и позволило дать заключение: Черенкова застрелена из малокалиберной винтовки, которую неизвестный мужчина спрятал под мостиком через ручей.

Но кто убийца? Каковы двигавшие им мотивы? Это по-прежнему оставалось загадкой. Не дала результатов и произведенная милицией проверка. Оружие хранилось незаконно, нигде не было зарегистрировано, его владелец остался неизвестным.

Тем временем среди личных бумаг Черенковой обнаружилось два анонимных письма, в которых Нину грубо предупреждали, что если она не прекратит встречаться с Андреем Бусленко, то пусть будет готова к разным неприятностям.

Так возникла еще одна версия, правда, просуществовавшая недолго. Выяснилось, что письма написали две подружки, одна из которых давно «вздыхала» по Андрею и решила «попугать» соперницу. Едва сдерживая слезы, обе клялись Локтеву, что, угрожая Нине всякими напастьями, они вовсе и не думали причинить ей какой-либо вред.

А время шло. Дело об убийстве Нины Черенковой превратилось в «глухое». Именно так называют уголовные дела, по которым, несмотря на все старания, виновный не обнаружен.

Позднее, в середине лета, вопрос о раскрытии этого дела обсуждался на очередном заседании у прокурора города. Вести его поручили старшему следователю Ольховскому.

Изучив все собранные Локтевым материалы, Ольховский убедился, что в ходе первоначального следствия не

все возможные варианты преступления были проверены, жители близлежащих домов опрошены поверхностно, недоиспользован материал судебных экспертиз. Но со дня убийства прошло уже несколько месяцев... И все же старший следователь решил возобновить расследование и повторно осмотреть место происшествия. Он позвонил в лабораторию судебной экспертизы...

Вскоре после полудня близ дома на Липовой аллее остановились две машины. Из них вышли несколько человек и направились к тому месту, где в вечерний февральский вечер упала, сраженная пулей, Нина Черенкова.

Сотрудники уголовного розыска приступили к детальному опросу жителей близлежащих домов, а Ольховский с помощью криминалистов составил детальный план места происшествия, промерил все расстояния.

Затем эксперты-криминалисты достали из машины проволочный макет человеческой фигуры, укрепленный на раздвижном штативе. Свидетели-очевидцы – Крюкова и Майцев – указали место, где остановилась и упала Нина. Там поставили макет, надев на него пальто погибшей. Вместе с опытным специалистом по огнестрельным ранениям Лыковым, криминалисты начали кропотливую работу, которая должна была привести к установлению именно того места, откуда раздался выстрел.

Через час были высказаны предварительные суждения. Преступник мог стрелять только из трех угловых окон третьего или четвертого этажа дома № 9 по Липовой аллее, с расстояния примерно 80 метров. В момент выстрела Нина стояла к этому дому спиной. Почему же Крюкова и Майцев не слышали звук выстрела? Его могли заглушить

ветер и поземка. Теперь было ясно, где нужно искать человека, убившего Черенкову.

КАЖДОГО, кто жил в указанных криминалистами квартирах, Ольховский взял на заметку, о каждом собрал подробные сведения. Выяснилось, однако, что все жильцы – хорошие, честные люди и не причастны к убийству, снова обрывалась ниточка, на которую возлагались большие надежды. Тогда Ольховский вновь решил обратиться за помощью к жильцам дома № 9 по Липовой аллее. И вот что он узнал: в одной из комнат третьего этажа (на это окно в числе других указывали криминалисты) временами появляется некий Стойлов. Он там не прописан, поэтому, собственно, никакой проверке не подвергался, хотя им следовало бы заняться в первую очередь. Выяснилось, что еще совсем молодым человеком Стойлов совершил тяжкое преступление, был осужден на длительный срок лишения свободы, год назад вернулся из колонии.

Но был ли Стойлов в тот вечер в комнате своей двоюродной сестры, на Липовой аллее, 9? Сестра показаний дать не могла: она уже больше двух лет проживала с мужем на Крайнем Севере. Кроме того, на заводе Стойлов числился в таблице работавших в вечернюю смену. Но токарь, сменщик Стойлова, вспомнил, что однажды зимой он замещал напарника.

- Может, число помните?
- Куда там... Полгода прошло.
- А вы какого года рождения?
- Тридцатого.

- А в каком месяце родились?
- 8 февраля.
- Не припомните, до дня рождения вы подменяли его или после?
- Подождите... Конечно, до, а не после. Он мне тогда еще сказал: ты отработаешь сегодня, а я в твой день рождения за тебя вкалывать буду!
- Это за сколько дней было до дня рождения?
- За неделю.
- Когда же ваш день рождения?
- Раз в четыре года – двадцать девятого февраля.
- Интересно. Но тогда получается, двадцать второго?
- Ну да! Вспомнил, вторник был, мы с женой в кино было собрались, «Графа Монте-Кристо» посмотреть.

ВОТ и наступил момент следствия, когда события стали развиваться стремительно. В их фокусе оказался Игорь Стойлов. Ольховский выяснил все его прошлые и новые знакомства, фамилии и адреса друзей. Через день эти люди, один за другим, начали появляться в кабинете следователя. За подозреваемым было установлено надежное круглосуточное наблюдение.

Один из свидетелей признался, что дал Игорю свою малокалиберную винтовку «пострелять птиц». «Тозовка» ему досталась от покойного отца, работавшего лесничим в Новгородской области. Предъявленную для опознания винтовку он выделил среди других сразу. Стойлова задержали. Во время допроса он первым перешел в наступление:

- За что меня взяли, гражданин начальник? Если я од-

нажды невинно пострадал – отсидел срок, значит, теперь мне всякое дело пришить можно? Не выйдет это у вас, не те времена!

– Если вы действительно не виноваты, то прокурор не даст санкцию на ваш арест, и вы окажетесь на свободе, – ответил Ольховский. – Назовите, пожалуйста, фамилии всех ваших близких друзей и просто знакомых.

– У меня их много, полгорода.

Стойлов назвал полтора десятка фамилий, потом добавил еще шестерых. Среди названных не было фамилии владельца малокалиберной винтовки.

– Вы никого не забыли?

– Нет, все тут, полный набор.

– А Магистрова не знаете?

– Нет, что-то не припомню такого.

– Значит, совершенно незнакомый человек дал вам свою малокалиберную винтовку и до сих пор не получил ее обратно?

Увидев винтовку, Стойлов заметно изменился в лице, но процедил сквозь плотно сомкнутые зубы:

– Это не моя!

– Конечно, не ваша. Вы ее брали у Магистрова. Расскажите, каких «птиц» стреляли и где?

– Я из нее вообще не успел выстрелить.

– А кто же тогда в Нину Черенкову стрелял? Вот пуля, которой она убита, вот заключение судебно-баллистической экспертизы. Повторяю, – сухо сказал Ольховский, – эксперты установили, что потерпевшая убита выстрелом именно из этой винтовки.

– Но я в тот вечер работал, – уже по инерции сопротивлялся Игорь.

– И это проверено. Вот показания рабочего Леваневского, вот показания парней, нашедших спрятанную вами винтовку.

Стойлов сидел, не поднимая головы. Дальнейшее записание бесполезно, он убедился, что следователем собраны неопровержимые доказательства. И все-таки убийца пытается выкрутиться...

– Стрелять-то я стрелял, только не в человека, а в воздух. Я винтовку решил опробовать. У меня и в мыслях не было, что так получится.

– Откуда стреляли?

– Из форточки. Но я ни в кого не целился. Это трагическая случайность. Я в воздух стрелял... Высунул ствол из форточки и нажал на курок. Не хотел я убивать девушку, гражданин следователь, истинную правду говорю. Что она мне плохого сделала?

Теперь старшему следователю Ольховскому предстояло выяснить, случайным ли выстрелом убил Стойлов Нишу Черенкову, или целился именно в нее? Неясным оставался и мотив совершенного преступления.

И снова у дома № 9 по Липовой аллее остановилась служебная машина. Следователь и эксперты направились в комнату, где раньше жила двоюродная сестра Игоря Стойлова. Вслед за ними сотрудники уголовного розыска провели подозреваемого. Криминалист измерил его рост, расстояние от пола до форточки. Игорю предложили показать, в каком положении он находился в момент выстрела и как заряжал винтовку. Рост у него средний, а форточка располагалась довольно высоко. Следовательно, при стрельбе из той позиции, которую он описывал, пуля про-

летела бы только вверх. Скрикошетить в сторону земли ей было не от чего.

Тогда Стойлов заявил: винтовку, мол, держал высоко над головой в вытянутых руках и нажимал на спусковой крючок именно в таком положении. Было ясно: он продолжает лгать, пытаясь выкрутиться.

Каждое из показанных подозреваемых положений сфотографировалось с разных точек. Теперь все необходимые данные для экспертизы у криминалиста имелись. В своем заключении он сделал вывод, что преступник стрелял из форточки, стоя на каком-то предмете у окна. Винтовка была направлена вниз под углом от 3-х до 45 градусов. Значит, выстрел был прицельным. Вскоре выяснился и мотив – месть отвергнутого жениха.

«Глухое» дело было раскрыто. Игорь Стойлов предстал перед судом по обвинению в умышленном убийстве Нины Черенковой.

Планета, с которой не гонят в шею

ОН приземлился возле меня в ракете, пышущей жаром. Я немного постороился и долго наблюдал, защищая лицо ладонью, как постепенно темнеют малиновые бока. Слышно было, как потрескивал остывающий стабилизатор. Вдруг он щелкнул и отскочил метра на два в сторону, зарывшись наполовину в песок. Послышались глухие удары. Потом дверь со скрежетом отворилась, и он вышел наружу, держа в правой руке кувалду.

– Это что, Земля? – спросил он, вытирая левой рукой лоб.

– Она самая, – ответил я.

– Надо же, – удивленно сообщил он, – добрался все-таки. Ну и как вы тут живете, ничего?

– Живем, – неопределенно ответил я. – У вас вон железка отвалилась.

Он подошел к торчащему из песка стабилизатору и пнул его ногой,

– Бензинчику у вас не найдется? Мне бы литров двадцать...

– Семьдесят второй не годится?

– Сойдет... Вы не беспокойтесь, я заплачу!

Он явно был чем-то озабочен, но, судя по всему, состояние ракеты его волновало мало.

– Атомного резака вы, конечно, еще не придумали? Опять придется боком взлетать... Ну да ничего, как-нибудь...

Видно было, что ему хочется поговорить. Я попросил его немного подождать. Он кивнул и принялся править кувалдой перекошенную дверь.

Обычно от этого места у дороги, где он приземлился, до своей дачи я дохожу за три минуты. Налив из большого бака две канистры синеватого от масла бензина, я отнес их к ракете.

Дверь была вся во вмятинах, но открывалась и закрывалась вполне прилично. Заправив двигатель, он вышел ко мне, и мы начали торговаться,

– Значит, так, – сказал он. – Я работник умственного труда. Моя профессия – Собиратель Древних Идей. На такой планете, как ваша, – он небрежно окинул взглядом захламленный строителями и дачниками придорожный пустырь, – должно быть немало старых, но еще годных на что-нибудь идей. Давайте меняться: я – вам, вы – мне. И будем квиты.

Я со значением посмотрел на его бензиновую ракету.

– А-а, это... – вздохнул он. – Не удивляйтесь, у меня есть модернизированный антиграв, обменял на Ригеле. Они там сами все придумывают, пользы своей не понимают. Старенький, правда, но... Да вот коклюшки к нему кончились. Пришлось купить эту колымагу...

– Да, – оживился он. – Значит, так: могу предложить в обмен на бензин какую-нибудь техническую идею. Колесо у вас уже есть?

– Старье! – фыркнул я. – Берите выше.

– А что? Колесо – тоже хорошая идея. Крутится. Вот на Сатурне до сих пор не знали... Впрочем, если у вас оно уже есть, то, конечно... Может, – он доверительно понизил

голос, – танк? По случаю достал, запрещено, сами понимаете...

– Да есть у меня танк! Что-нибудь из новинок имеется?

– Из новинок? Из новинок... Радио, телевидение? Дизель, вечный двигатель?.. Ар...

– Подождите! Вы сказали, вечный двигатель?

– Да, а что? Превосходная идея! Крутится себе вечно, ни тебе хлопот, ни забот, ни топлива, ни смазки...

– И вы в самом деле можете за двадцать литров бензина уступить мне работающий вечный двигатель?

– Почему работающий? Вы что, не знаете, что вечный двигатель невозможен? Ну и планетка! Я торгую только идеями, вы же слышали. Сама идея вечного двигателя – пожалуйста... А вот построить его... Хотел бы я видеть такого дурака, который возьмется за это дело, ха-ха ха!

ОН явно развеселился. Потом перестал смеяться, нахмурился и сказал озабоченно:

– Может, у вас электричества нет? Есть? Вот черт... Говорил же мне друг, что у вас и своего старья хоть завались...

– Кажется, я знаю, как вам помочь, – перебил я его. – Вы тут про антиграв упоминали. Продайте мне идею – и бензин ваш,

– Антиграв? За двадцать литров бензина? Вы в своем уме? Да меня за такой обмен Федерация Купли-Продажи так взгреет! Нет-нет, и не просите, не имею права. Может, что-нибудь социальное? Анархия, монархия, директорат?

Я выразительно посмотрел на него.

– Просвещенная республика? – не сдавался он. – Нет? Хм... А из философии?

– Не трудитесь, – ответил я. – Сам могу предложить. Монады, субстраты, гегемонизм, либерализм, клерикализм... Попроще что-нибудь есть? Неудобно все-таки за двадцать литров такие громадины. Да и Федерация взгрет...

– Баллада? – вновь попытался он. – Эпитафия? Ротонда? Ордер? Джинсы? Сантехника? Неужели и сантехника есть?

– И не какая-нибудь, а финская! Вот антиграва нет...

– Антиграв – это многовато. Хотя... Если вы доплатите к бензину еще и идеей какой – может, и договоримся!

– Ну, если полегче какую... Колесо, скажем, а? Хорошая идея! Вон на Сатурне... Бензин-то высокооктановый!

– Колесо не возьму. И танк не предлагайте!

Вскоре мы оба выдохлись. Сели рядом на теплый еще стабилизатор и закурили. Во всем обширном перечне Федерации Купли-Продажи не оказалось ничего, что бы меня заинтересовало. И наоборот, все, что мог предложить я, вызывало у него, в лучшем случае, пренебрежительную усмешку.

– Говорил же друг: не связывайся с отсталыми планетами, – пробормотал он нервно. – А как не связывайся, если с передовых в шею гонят. Купля-продажа их, видите ли, не вдохновляет... – очень похоже передразнил он акцент какого-то высокоцивилизованного гуманоида.

Меня вдруг осенило:

– Слушай, идея!! Может, ты мне его просто подаришь – антиграв? Бензин ведь я тебе без всяких условий налил!

– Подаришь? – Он надолго замолчал. – Подарить, подарок, дар... – он долго бормотал так себе под нос, склонив голову и прислушиваясь к звучанию слов. – Беру! Хорошая идея! И главное – абсолютно для нас новая! В ассортименте отсутствует, значит, – единиц на двадцать потянет. А двадцать идейно-обменных единиц – это даже больше, чем антиграв...

– Слушай! – загорелся он. – Я тебе даже не идею отдам, а сам антиграв. Подарить не могу, взгреют, а вот в обмен на идею подарков... А она устаревшая?

– Устаревшая, устаревшая, – успокоил я его, – лет двадцать, как не котируется.

– Тогда – по рукам!

Он вскочил с места и полез внутрь ракеты. Долго гремел там чем-то. Наконец, грохот прекратился, и он высунулся из люка.

– Ну, привет землянам! Ты шагов на пять отойди, а то взлетать буду, еще что-нибудь отвалится! Стукнуть может!

– Ээ-эй! А антиграв?! Договорились ведь – за подарок...

– За подарок – спасибо! А антиграв – так ты же на нем сидишь! Я его как балласт использовал, зачем он мне без коклюшек-то?

Люк захлопнулся, под ракетой неприятно зашипело, она вздрогнул, приподнялась и как-то боком-боком пошла в небо. Долго я еще смотрел на инверсионный след, пахнущим бензином...

Нет ли у кого из вас какой-нибудь устаревшей идеи, вроде подарка? На тот случай, если из Федерации еще кто

прилетит? Парочку бы коклюшек выменять, а то без них антиграв не работает...

Вы думаете – не прилетят? Планета отсталая? Прилетят, куда они денутся! С высокоцивилизованных-то их в шею гонят...

Денни Плэчта

ГОСТЬ ИЗ БУДУЩЕГО

Мистер Смит только-только собрался налить себе джина, но тут на улице раздался взрыв, и бутылка чуть не выскочила у него из рук. Выглянув в окно, увидел облако серого, клубящегося дыма. Дым быстро расползлся по всему двору.

– О господи! – пробормотал он и бросился к телефону вызывать полицию.

Затем мистер Смит все-таки налил себе джина, но внимание его привлекли странные звуки, доносящиеся с затянутой дымом лужайки. Он вышел на крыльцо и настороженно прислушался. Через несколько минут, когда ему стало совсем не по себе, решил вернуться в дом, но тут из серой мглы вынырнул какой-то человек и поздоровался.

– Добрый вечер! – обрадовался мистер Смит. – Вы из полиции!

– Нет, что вы, – последовал ответ. – Я оттуда, – незнакомец махнул рукой в сторону расползающегося дыма. – Охлаждающая установка все-таки не выдержала.

– Вы – астронавт! – догадался Смит.

– Я переместился всего на несколько сот миль, – скромно ответил гость. – А вообще-то я путешественник во времени. – Он зажег сигарету и добавил с гордостью. – Первый и единственный.

– Настоящий! Серьезно! Что же мы стоим! Проходите в дом. За это дело надо выпить!

– С удовольствием!

Мистер Смит бросился доставать рюмки и разливать джин.

– Вы из прошлого или из будущего! – деловито осведомился он.

– Ух, хороша штука! Из будущего, – ответил после небольшой паузы гость.

– Надеюсь, вы мне расскажете подробности! – спросил мистер Смит, устраиваясь поудобнее.

– Расскажу. Я сам придумал и сделал машину. – Еще несколько глотков джина. – Правда, меня немного беспокоила неточность расчетов...

– Но вы все-таки рискнули!

– Естественно! И должен признаться, эта неточность сыграла роковую роль. Произошла катастрофа.

– Жаль.

– Ничего не поделаешь. В момент старта машины времени произошел большой выброс энергии, и вся планета взорвалась. Там, в будущем. Зато я им всем доказал, что был прав. Думаю, оно того стоило!

– Наверно... Кстати, а насколько вы перенеслись из будущего назад! – поинтересовался мистер Смит, передавая гостю бутылку с остатками джина.

Тот взял бутылку, посмотрел на часы и ответил:

– На восемнадцать минут.

Издание подготовлено кооперативом «Свиток»
при Средне-Уральском книжном издательстве
и журнале «Уральский следопыт».

Над шестым выпуском «ПиФа» работали:
Н. Кузовлев, С. Казанцев, С. Гаврилова, Н. Любарский,
М. Козловский, О. Аржанников,
Л. Нокитулло, М. Пудовкин, О. Нагибина,

Художники О. Щербакса, Д. Лебедихин

Ответственный за выпуск: С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990 -- 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч изд. л. 4,42. Зак. № 145.
Тираж 85000 экз. Цена 70 коп.

Подписано к печати 18.1.90 г.

Средне-Уральское книжное издательство и журнал
«Уральский следопыт».

Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67. Тел. 22-10-74.